

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

ГДЕ ВЛАСТВУЕТ
ЛЮБОВЬ

Читайте книги — смотрите сериал!

Бриджертоны

Джулия Куин

Где властвует любовь

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Куин Д.

Где властвует любовь / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2002 — (Бриджертоны)

ISBN 978-5-17-116287-0

Пенелопа Федерингтон была влюблена в старшего брата своей лучшей подруги с самого детства... а он, естественно, не обращал на смешную девчонку ни малейшего внимания! Теперь же, годы спустя, Колин Бриджертон возвращается из-за границы и внезапно понимает, что маленькая девочка превратилась в прелестную девушку, которая достойна стать его женой. Тем более что он устал от холостяцкой жизни. Великолепно? Не совсем... Потому что Пенелопа снова и снова отвечает на ухаживания Колина ядовитыми насмешками. А он сходит с ума от охватившей его безумной страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116287-0

© Куин Д., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джулия Куин Где властвует любовь

Julia Quinn

ROMANCING MISTER BRIDGERTON

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Julie Cotler Pottinger, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Джулия Куин – автор не просто любовных романов, но любовных романов одновременно романтических и веселых, чувственно-нежных и откровенно, искренне забавных! Не потому ли произведения этой писательницы, покоровшие миллионы женщин по всему миру, не могут оставить равнодушной ни одну читательницу?

Пролог

Шестого апреля 1812 года, ровно за два дня до своего шестнадцатилетия, Пенелопа Федерингтон влюбилась.

Это был незабываемый момент, восхитительный и волнующий. Земля содрогнулась у нее под ногами. Сердце екнуло в груди. Дыхание перехватило. Что, впрочем, не помешало ей не без удовлетворения отметить, что виновник всего этого – некий Колин Бриджертон – испытал точно такие же ощущения.

Не в смысле влюбленности. Нет, он не влюбился в нее в 1812 году (и не в 1813-м, и не в последующие годы с 1814 по 1822-й, и не в 1823 году, когда его просто не было в стране). Но земля под ним содрогнулась, сердце екнуло, и Пенелопа ни на мгновение не усомнилась, что дыхание у него перехватило. Секунд на десять, не меньше.

Еще бы! Падение с лошади и не такое способно сотворить с человеком.

А случилось вот что.

Она прогуливалась по Гайд-парку со своей матерью и двумя старшими сестрами, когда ощутила сотрясение почвы под ногами (смотри выше: земля содрогнулась!). Воспользовавшись тем, что мать, по обыкновению, не обращает на нее внимания, Пенелопа ускользнула на секунду, чтобы выяснить, в чем дело. Остальные члены ее семейства, занятые разговором с виконтессой Бриджертон и ее дочерью Дафной, которая начала свой второй сезон в Лондоне, сделали вид, что ничего не замечают. Бриджертоны занимали слишком высокое положение в обществе, чтобы семейство Федерингтон могло пренебречь разговором со столь важными, как они, особами.

Обогнув дерево с толстым стволом, Пенелопа увидела двух всадников, мчавшихся сломя голову в ее сторону, – или, как принято говорить, болванов в седле, которым наплевать на свою жизнь и здоровье. Сердце Пенелопы учащенно забилось (трудно сохранять безмятежность при виде столь волнующего зрелища), что потом дало ей полное право утверждать, что ее сердце екнуло...

И тут, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, порыв ветра сорвал с ее головы шляпку, которую Пенелопа, к неудовольствию ее матери, плохо завязала под подбородком, поскольку лента натирала ей шею, поднял ее в воздух и швырнул прямо в лицо одному из всадников.

Пенелопа ахнула: мужчина вылетел из седла и весьма неэлегантно приземлился в ближайшую лужу.

Без тени раздумья Пенелопа бросилась к нему, выкрикивая что-то, что должно было выражать ее беспокойство по поводу его самочувствия, но, как она подозревала, скорее напоминало полузадушенный вопль. Можно себе представить, как он разозлился! Он не только свалился с лошади, но и вывалился в грязи – а это может привести любого мужчину в самое скверное расположение духа. Но когда бедняга наконец поднялся на ноги, отряхивая, насколько это было возможно, грязь с одежды, он не был обескуражен падением, не выказал недовольства и даже не выругался.

Он рассмеялся!

Невероятно.

Пенелопа не часто наблюдала мужской смех, а тот, что ей приходилось слышать, нельзя было назвать добрым. Но глаза этого мужчины – кстати, глаза были зеленого цвета – искрились весельем. Он стер пятно грязи со щеки и иронически произнес:

– Не слишком ловко с моей стороны, не так ли?

Он поднял и вежливо протянул ей шляпку.

И в этот момент Пенелопа влюбилась.

Обретя наконец голос, что, к сожалению, произошло на три секунды позже, чем потребовалось бы для ответа любой разумной особе, она торопливо заговорила:

– О, благодарю вас! Моя шляпка слетела и... – Пенелопа осеклась и замолчала.

Он улыбнулся:

– Все в порядке. Я... О, добрый день, Дафна. Не знал, что ты в парке.

Круто развернувшись, Пенелопа обнаружила у себя за спиной Дафну Бриджертон и свою мать, которая тут же прошипела:

– Как ты выглядишь, Пенелопа Федерингтон? Поправь прическу!

Судя по выражению лица матери, Пенелопа не слишком красиво выглядела перед джентльменом, который считался весьма завидным женихом.

Не то чтобы ее мать полагала, будто у Пенелопы есть шанс увлечь такого мужчину. Собственно, Пенелопа еще не выезжала в свет. Но миссис Федерингтон не могла не питать матримонийных надежд относительно своих старших дочерей.

Впрочем, при всем желании она не стала отчитывать Пенелопу, поскольку ей пришлось бы отвлечь свое внимание от влиятельного семейства Бриджертон, включавшего, как сообразила Пенелопа, и вымазанного в грязи молодого джентльмена.

– Надеюсь, ваш сын не пострадал? – обратилась миссис Федерингтон к леди Бриджертон.

– Ничуть, – вмешался Колин, умело пресекая поток материнского сочувствия, готовый обрушиться на его голову.

Последовали взаимные представления, но дальнейший разговор оказался краток. Колин безошибочно распознал в миссис Федерингтон мамашу, мечтающую пристроить своих дочерей, и Пенелопа ничуть не удивилась, когда он поспешил откланяться.

Но непоправимое уже свершилось: Пенелопа обрела объект девичьих грез.

Позже вечером, когда она в сотый раз воспроизвела в уме эту встречу, ей пришло в голову, что было бы лучше, если бы она влюбилась, когда он, пригласив ее танцевать, поцеловал бы ей руку, глядя на нее своими зелеными глазами и сжимая ее пальцы чуть крепче, чем того требовали приличия. Или когда он скакал бы галопом через луг, стремительный как ветер, с единственной целью оказаться рядом с ней, Пенелопой.

Но нет, ее угораздило влюбиться в Колина Бриджертона, когда он свалился с лошади и плюхнулся в грязь! Трудно представить себе что-либо менее романтическое, но в этом есть некая высшая справедливость, рассудила Пенелопа, поскольку это все равно ничем не завершится.

Тогда, в возрасте шестнадцати лет без двух дней, Пенелопа Федерингтон не могла представить Колина Бриджертона в качестве будущего мужа.

Она понимала, что она не из тех девушек, кто способен увлечь мужчину, подобного Колину, и, похоже, никогда такой не станет.

Десятого апреля 1813 года – ровно через два дня после ее семнадцатого дня рождения – Пенелопа Федерингтон дебютировала в лондонском свете. Ей этого совсем не хотелось, и она умоляла мать подождать еще хотя бы год. Мало того что Пенелопа была на десяток килограммов тяжелее, чем следовало, ее лицо имело тенденцию покрываться красными пятнами, стоило ей понервничать, – а ничто на свете не пугало ее до такой степени, как лондонские балы.

Она пыталась напомнить себе, что красота не главное, но это было слабым утешением, особенно когда она вспоминала о своей природной застенчивости. Что может быть более угрожающим, чем некрасивая девица, лишенная всякой индивидуальности? В первый год ее появления на ярмарке невест эта сентенция служила точной характеристикой Пенелопы. Ну, может, не совсем точной... Скажем так, некрасивая девица с некоторым намеком на индивидуальность.

Однако в ее душе жила убежденность, что она умна и добра. Правда, этим незаурядным качествам Пенелопа не могла найти достойного применения и с недоумением обнаруживала, что либо говорит не то, что хотела, либо вообще молчит, что случилось гораздо чаще.

Положение усугублялось еще и тем, что мать не позволяла Пенелопе самой выбирать одежду. Она была или в белом, обязательном для юных дебютанток (отнюдь не красившем ее), или в желтом, красном или оранжевом, что сказывалось на ее внешности самым плачевным образом. Единственный раз, когда Пенелопа попыталась примерить зеленое, миссис Федерингтон уперлась ладонями в свои мощные бока и заявила, что зеленый цвет навевает уныние.

– А вот желтый, – изрекла она, – цвет счастья. Счастливая девушка скорее поймает мужа.

После этого Пенелопа окончательно решила, что лучше даже не пытаться понять ход мыслей ее матери.

В результате все туалеты Пенелопы были желтыми, оранжевыми, а порой и красными, что делало ее совершенно несчастной и чудовищно смотрелось с ее карими глазами и рыжеватыми волосами. Но поскольку от нее ничего не зависело, Пенелопа решила улыбаться и терпеть: если она не сможет выдавить улыбку, то по крайней мере не станет плакать на глазах у публики.

Чего, с гордостью отмечала Пенелопа, она никогда и не делала.

И как будто этого было недостаточно, именно в 1813 году в «Светских новостях» начали печататься еженедельные обзоры, принадлежавшие перу некоей таинственной особы, именовавшей себя леди Уистлдаун. Одностраничная газетка стала сенсацией. Никто не знал, кто такая леди Уистлдаун на самом деле, но у каждого, казалось, были свои соображения на этот счет. Неделями – нет, месяцами – Лондон только об этом и говорил. Первые две недели газета доставлялась бесплатно – достаточно, чтобы заинтриговать высший свет, – после чего доставка внезапно прекратилась, зато на улицах появились мальчишки-разносчики, запрашивающие просто возмутительную цену в пять пенни за газетный листок.

Но к этому моменту никто и помыслить не мог, чтобы обойтись без ежедневной дозы последних сплетен, и все безропотно расставались со своими монетами.

В результате некая женщина (или, как полагали некоторые, мужчина) становилась богатой.

От своих предшественников леди Уистлдаун отличало то, что она не скрывала имен персонажей своих заметок. В газетке не было намеков на леди Р. или миссис В. Если леди Уистлдаун писала о ком-то, она указывала его полное имя.

И когда леди Уистлдаун хотелось написать о Пенелопе Федерингтон, она так и поступала. Первое появление Пенелопы в «Светских новостях» выглядело следующим образом:

«Из-за неудачного выбора платья мисс Пенелопа Федерингтон выглядела как перезревший плод цитрусовых».

Довольно болезненный укол, признаться, хотя и чистая правда.

Второе появление Пенелопы в газете леди Уистлдаун выглядело не лучше:

«За весь вечер мисс Пенелопа Федерингтон не произнесла ни слова, и неудивительно! Бедняжка просто утонула в оборках своего платья».

В общем, Пенелопа не без оснований опасалась, что подобные отзывы не прибавят ей популярности.

И все же сезон нельзя было назвать полной катастрофой. Нашлись люди, с которыми она подружилась. Леди Бриджертон, как ни странно, прониклась к ней симпатией, и Пенелопа обнаружила, что может говорить с обаятельной виконтессой на темы, которые она никогда не стала бы обсуждать со своей матерью. Именно виконтесса познакомила ее с Элоизой Бриджертон, младшей сестрой красавца Колина. Элоизе тоже только что исполнилось семнадцать, но у ее матери хватило мудрости отложить ее дебют в свете на год, хотя Элоиза в избытке обладала привлекательностью и обаянием Бриджертонов.

Проводя первую половину дня в кремово-зеленой гостиной Бриджертон-Хауса (а чаще в спальне Элоизы, где они могли сколько угодно смеяться и обсуждать все на свете), Пенелопа время от времени сталкивалась с Колином, который – в свои двадцать два года – еще не сменил родительский дом на холостяцкое жилье.

Хотя Пенелопа и раньше полагала, что влюблена в Колина, ее детская влюбленность не шла ни в какое сравнение с тем, что она почувствовала, узнав его лучше. Колин Бриджертон оказался чертовски остроумным, веселым и бесшабашным, что делало его неотразимым в глазах женщин, но главное...

Колин Бриджертон был милым.

Какое глупое словечко! Однако при всей своей банальности оно идеально подходило к Колину. У него всегда находилось несколько добрых слов для Пенелопы, а когда она наконец набралась смелости сказать что-нибудь в ответ, помимо обычных приветствий и прощаний, Колин выслушал ее с явным интересом, что весьма облегчило их последующее общение.

К концу сезона Пенелопа пришла к выводу, что Колин Бриджертон единственный мужчина, с которым она способна поддерживать разговор.

О, это была любовь. Любовь, любовь, любовь! Пенелопа исписывала целые страницы, чередуя это волшебное слово с именем Колина и такими волнующими словосочетаниями, как «Миссис Колин Бриджертон» или «Пенелопа Бриджертон». Разумеется, все это летело в камин, стоило ей слышать шаги в коридоре.

Как чудесно любить – пусть даже без надежды на взаимность – такого милого человека! Помимо прочего, это давало Пенелопе ощущение собственного благополучия.

Разумеется, этому ничуть не мешал тот факт, что Колин, как и все мужчины из рода Бриджертонов, был исключительно хорош собой. Унаследовав от предков знаменитые каштановые волосы, выразительный улыбчивый рот, широкие плечи и шесть футов роста, он обладал самыми потрясающими зелеными глазами, когда-либо украшавшими мужское лицо.

Такие глаза являются юным девушкам в мечтах.

И Пенелопа не могла не мечтать.

Апрель 1814 года застал Пенелопу в Лондоне, где она проводила свой второй сезон, и, хотя она привлекла не больше поклонников, что и годом раньше (то есть ни одного!), честно говоря, этот сезон был не так уж плох. Пенелопа потеряла почти десять килограммов лишнего веса и могла теперь называть себя «приятно округлой», а не «чудовищно толстой». Конечно, ее фигуре еще недоставало стройности, соответствовавшей модному идеалу, но по крайней мере она изменилась достаточно, чтобы полностью обновить свой гардероб.

К сожалению, ее мать опять настояла на желтом и оранжевом с вкраплениями красного. На этот раз леди Уистлдаун написала:

«Мисс Пенелопа Федерингтон (наименее пустоголовая из сестер Федерингтон) была в лимонно-желтом платье, оставлявшем во рту кислый привкус».

Вряд ли подобную оценку можно было счесть лестной, но по крайней мере из нее следовало, что Пенелопа – самая умная в своем семействе.

Впрочем, Пенелопа была не единственной, кому досталось от язвительной журналистки. Кейт Шеффилд, появившаяся в желтом платье, удостоилась сравнения с нарциссом, и это при том, что Кейт собиралась выйти замуж за Энтони Бриджертона, старшего брата Колина и будущего виконта!

Так что Пенелопа не теряла надежды.

Разумеется, она знала, что Колин не женится на ней. Но по крайней мере он танцевал с ней на каждом балу, заставлял ее смеяться, да и сам смеялся ее шуткам, и этого было достаточно.

Жизнь между тем продолжалась. Лондонские сезоны проходили один за другим. Старшие сестры Пенелопы – Пруденс и Филиппа – нашли наконец мужей и покинули отчий дом. Миссис Федерингтон не оставляла надежды, что и Пенелопа сделает приличную партию, поскольку Пруденс и Филиппе понадобилось для этого пять сезонов, но Пенелопа знала, что ей суждено остаться старой девой. Несправедливо выйти замуж за другого мужчину, если она по-прежнему отчаянно влюблена в Колина. А может, в уголке ее сознания – в самом дальнем уголке, запрятанном за спряжениями французских глаголов, которыми она так и не овладела, и математикой, которая ей так и не понадобилась, – все еще теплился крохотный огонек надежды.

До того дня.

Даже потом, годы спустя, Пенелопа называла это событие «тем днем».

Она явилась к Бриджертонам, как это часто бывало, чтобы выпить чаю с Элоизой, ее матерью и сестрами.

После чаепития Пенелопа отправилась домой. Постукивая каблучками по мраморным плитам пола, она миновала парадный холл и вышла на улицу. Помедлила, поправляя накидку, и направилась пешком к своему дому, находившемуся недалеко. И тут увидела братьев Бриджертон, очевидно, возвращавшихся с прогулки.

Три старших брата – Энтони, Бенедикт и Колин – вели обычный разговор, добродушно подшучивая друг над другом. Пенелопе всегда нравилось наблюдать, как Бриджертоны общаются между собой. В этом было что-то удивительно семейное.

Она вдруг услышала – в подтверждение ее способности появляться в самый неподходящий момент – слова Колина:

– ...и уж точно я не собираюсь жениться на Пенелопе Федерингтон!

– О! – сорвалось с ее губ, прежде чем она успела спохватиться.

Все три Бриджертона повернулись к ней с одинаковым выражением ужаса на лицах, и казалось, прошла целая вечность, прежде чем Пенелопа взглянула Колина прямо в глаза и с достоинством, которого она в себе не подозревала, произнесла:

– Я никогда не напрашивалась вам в жены.

Колин побагровел. Он открыл рот, но не произнес ни звука. Это был, как с мрачным удовлетворением отметила Пенелопа, возможно, единственный пока случай в его жизни, когда он не нашел слов.

– И никогда... – она судорожно сглотнула, – никогда не говорила, что хочу этого.

– Пенелопа, – выдавил наконец Колин, – извините.

– Вам не за что извиняться.

– Нет, – настаивал он, – есть за что. Я задел ваши чувства и...

– Вы же не знали, что я здесь...

– Тем не менее...

– А то, что вы не собираетесь жениться на мне... – глухо произнесла она, не узнавая собственного голоса, – в этом нет ничего особенного. Я ведь не собираюсь выходить замуж за вашего брата Бенедикта.

Бенедикт, старательно избегавший ее взгляда, изумленно воззрился на нее.

Пенелопа стиснула кулаки.

– Однако не думаю, что я задела его чувства, объявив об этом. – Она повернулась к Бенедикту: – Ведь так, мистер Бриджертон?

– Конечно, – быстро отозвался тот.

– Что и требовалось доказать, – произнесла она натянутым тоном, поражаясь той легкости, с какой находит нужные слова. – Значит, ничьи чувства не задеты. А теперь, если вы извините меня, джентльмены, я пойду домой.

Все трое поспешно посторонились, пропуская ее, и Пенелопа могла бы гордо удалиться, если бы Колин вдруг не поинтересовался:

– Разве у вас нет горничной?

Пенелопа покачала головой:

– Я живу недалеко, за углом.

– Знаю, но...

– Я провожу вас, – галантно предложил Энтони.

– В этом нет никакой необходимости, милорд.

– Доставьте мне удовольствие, – возразил он не терпящим возражений тоном, и Пенелопа поняла, что у нее нет выбора.

Она кивнула, и они двинулись по улице.

– Он не знал, что вы рядом, – заметил Энтони, когда они завернули за угол.

– Понимаю, – отозвалась Пенелопа со смиренным вздохом. – Колин не из тех, кто способен на сознательную жестокость. Видимо, ваша матушка слишком настаивает на его женитьбе.

Энтони кивнул. Желание леди Бриджертон видеть каждого из своих сыновей happily женатым было известно всем.

– Она симпатизирует мне, – сказала Пенелопа. – И боюсь, не видит никого вокруг. Но в сущности, не так уж важно, как ваша матушка будет относиться к избраннице Колина.

– Ну, я бы этого не сказал, – возразил Энтони тоном скорее почтительного сына, чем виконта, которого все уважали и даже побаивались. – Лично я не хотел бы быть женатым на женщине, которая не нравится моей матери. – Он покачал головой с выражением благоговейного ужаса. – У нее слишком сильный характер.

– У вашей матушки или жены?

Энтони на секунду задумался.

– У обеих.

Они прошли несколько шагов в молчании, нарушенном Пенелопой:

– Колину нужно уехать.

Энтони бросил на нее любопытнейший взгляд.

– Простите?

– Ему нужно уехать. Отправиться путешествовать. Он не готов к браку, а ваша матушка не может удержаться от того, чтобы не давить на него. Она хочет как лучше... – Пенелопа в ужасе прикусила губу, надеясь, что виконт не подумает, будто она критикует леди Бриджертон. Тем более что, с точки зрения Пенелопы, она была достойнейшей дамой.

– Моя мать всегда хочет как лучше. – Энтони снисходительно улыбнулся. – Но может, вы правы. Возможно, ему действительно следует уехать. Колин любит путешествовать. Хотя он только что вернулся из Уэльса.

– Вот как? – вежливо отозвалась Пенелопа, хотя прекрасно знала, что Колин был в Уэльсе.

– Кажется, мы пришли, – сказал Энтони, кивнув вместо ответа. – Ведь это ваш дом, не так ли?

– Да. Спасибо, что проводили.

– Всегда к вашим услугам.

Пенелопа проводила его взглядом, затем вошла внутрь и расплакалась.

На следующий день в «Светских новостях» появилась заметка, принадлежавшая перу леди Уистлдаун.

«Что за волнующая сценка разыгралась вчера возле резиденции леди Бриджертон на Брун-стрит!

Во-первых, Пенелопу Федерингтон видели в обществе не одного, не двух, а сразу трех братьев Бриджертон – невероятная удача для бедной девушки, не пользующейся особым успехом в свете. Печально, но вполне предсказуемо, что мисс Федерингтон отбыла, опираясь на руку виконта, единственного женатого мужчины во всей компании.

Если мисс Федерингтон все же удастся довести до алтаря одного из братьев Бриджертон, это наверняка будет означать конец того мира, в котором мы живем, и автору этих строк придется немедленно оставить свое ремесло или расписаться в своем полнейшем невежестве».

Похоже, даже леди Уистлдаун осознавала всю тщетность надежд Пенелопы, связанных с Колином.

Годы шли, и как-то незаметно Пенелопа перестала быть дебютанткой. В один прекрасный день она обнаружила, что сидит среди компаньенок, наблюдая за своей младшей сестрой Фелисити – единственной из своих сестер, одаренной от природы красотой и обаянием, – наслаждающейся первым лондонским сезоном.

Колин пристрастился к путешествиям и проводил все больше времени вне Лондона. Не проходило и пары месяцев, чтобы он не отбыл в том или ином направлении. По приезде в Лондон, что случалось не часто, он всегда находил для Пенелопы доброе слово и улыбку, приглашал на танец, а она притворялась, будто ничего не случилось, будто он никогда не произносил слов, разбивших вдребезги ее мечты.

Между ними установились если не дружеские, то непринужденные отношения. Да и на что еще могла рассчитывать двадцативосьмилетняя старая дева?

Безответная любовь – нелегкое бремя, но Пенелопа Федерингтон привыкла к нему.

Глава 1

Матери, мечтающие пристроить своих любимых дочерей, ликуйте: Колин Бриджертон вернулся из Греции!

Для тех читателей, кто прибыл в Лондон лишь в этом году, сообщаем, что мистер Бриджертон – третий из восьми знаменитых отпрысков Бриджертонов.

Хотя мистер Бриджертон не имеет титула и вряд ли обзаведется им когда-либо (он седьмой в списке претендентов на титул виконта Бриджертона, следуя за двумя сыновьями нынешнего виконта, старшим братом Бенедиктом и его тремя сыновьями), он тем не менее считается завидной партией, благодаря своему состоянию, внешности, атлетической фигуре и, более всего, редкому обаянию. Сложно, однако, предсказать, обретет ли он супружеское блаженство в нынешнем сезоне. Хотя в свои тридцать три года мистер Бриджертон вполне достиг брачного возраста, он никогда не выказывал интереса ни к одной девице надлежащего происхождения и, что еще более усложняет дело, имеет чудовищную привычку внезапно покидать Лондон, отправляясь в экзотические страны.

*«Светские новости от леди Уистлдаун»,
2 апреля 1824 года*

– Ты только послушай! – взвизгнула миссис Порция Федерингтон. – Колин Бриджертон вернулся!

Пенелопа подняла глаза от вышивания. Ее мать сидела в кресле, вцепившись в «Светские новости» так, как сама Пенелопа могла бы вцепиться, скажем, в веревку, свисая с обрыва.

– Знаю, – отозвалась она.

Порция нахмурилась. Она терпеть не могла, когда кто-нибудь узнавал последние новости раньше ее.

– Откуда? Я велела Брайерли откладывать газету для меня и не позволять никому...

– Я не читала газету, – перебила ее Пенелопа, не дожидаясь, пока мать набросится на несчастного дворецкого. – Мне сказала Фелисити. Еще вчера. А ей сказала Гиацинта.

– Твоя сестра проводит слишком много времени у Бриджертонов, – произнесла Порция многозначительным тоном.

– Как и я, – заметила Пенелопа, гадая, что та имеет в виду.

Порция задумчиво постучала пальцами по подбородку.

– Колин Бриджертон в том возрасте, когда пора подумать о браке.

Пенелопа с недоумением посмотрела на мать:

– Колин Бриджертон никогда не женится на Фелисити!

Порция пожала плечами:

– И более невероятные вещи случались.

– Что-то я не замечала, – пробормотала Пенелопа.

– Женился же Энтони Бриджертон на Кейт Шеффилд, а ведь она была еще менее популярна, чем ты, – проговорила Порция Федерингтон, видимо, полагая, что польстила своей дочери, сказав, что та была не самой непопулярной девушкой сезона.

Пенелопа поджала губы. Compliments ее матери имели обыкновение жалить, как осы.

– Не подумай, что я тебя в чем-то упрекаю, – продолжила Порция, изобразив сочувствие. – Честно говоря, я даже рада, что ты осталась старой девой. У меня никого нет в целом мире, кроме дочерей, и утешительно сознавать, что одна из них будет заботиться обо мне в преклонном возрасте.

Представив себе будущее, нарисованное матерью, Пенелопа ощутила непреодолимый порыв сбежать из дому и выйти замуж за трубочиста. Хотя Пенелопа давно смирилась с участью старой девы, почему-то она всегда полагала, что будет жить в своем собственном уютном коттедже, возможно, у моря.

Но в последнее время Порция стала поговаривать о своей старости и о том, как удачно вышло, что Пенелопа сможет позаботиться о ней. Не важно, что Пруденс и Филиппа вышли замуж за состоятельных мужчин и имели достаточно средств, чтобы обеспечить своей матери всяческий комфорт. Не говоря уже о том, что Порция обладала собственным, хоть и скромным, состоянием. Когда она выходила замуж, четверть суммы, полученной ею в качестве приданого, была положена на ее личный счет.

Нет, когда Порция говорила о «заботе», она имела в виду не деньги. Ей нужна была рабыня.

Пенелопа вздохнула. Пожалуй, она слишком сурова к своей матери, даже если только в мыслях. Увы, это происходит слишком часто. А ведь мать любит ее. И она платит ей тем же.

Честно говоря, ее мать способна вывести из себя даже самую кроткую из дочерей, а она, Пенелопа, что уж тут греха таить, бывает склонна к сарказму.

– Почему ты считаешь, что Колин не женится на Фелисити? – поинтересовалась Порция.

Пенелопа вскинула на нее удивленный взгляд. Напрасно она полагала, что эта тема исчерпана. Ей следовало бы лучше знать свою мать. Та обладала поистине мертвой хваткой.

– Ну, – медленно произнесла Пенелопа, – начать с того, что она на двенадцать лет моложе.

– Фи! – Порция небрежно махнула рукой. – Это не имеет значения, и тебе это отлично известно.

Пенелопа нахмурилась и тут же вскрикнула, уколотившись иголкой.

– К тому же, – продолжила Порция в блаженном неведении о чувствах дочери, – ему, – она помедлила, пробежавшись взглядом по заметке в газете, – тридцать три! Как же тут избежать разницы в возрасте? Ты же не думаешь, что он женится на ком-то твоих лет.

Пенелопа пососала уколотый палец – не слишком изящный жест, но ей просто необходимо было чем-то занять свой рот, чтобы не сказать что-нибудь злобное и непростительное.

В сущности, ее мать права. В высшем обществе многие мужчины, если не большинство, предпочитали жениться на девушках моложе их лет на десять, а то и больше. Но почему-то разница в возрасте между Колином и Фелисити казалась ей чрезмерной, почти неприличной...

Пенелопа не смогла скрыть раздражения:

– Она ему как сестра. Младшая сестра.

– Ради бога, Пенелопа. Едва ли...

– Это почти что кровосмешение, – пробормотала Пенелопа.

– Что ты сказала?

Пенелопа снова схватила за шитье.

– Ничего.

– Я уверена, ты что-то сказала.

Пенелопа покачала головой.

– Тебе показалось, я всего лишь прочистила горло.

– Ты что-то сказала. Я уверена в этом!

Пенелопа мысленно застонала, представив свою будущую жизнь, долгую и нудную.

– Ты, наверное, забыла, – сказала она с терпением если не святой, то весьма набожной особы, – что Фелисити почти обручена с мистером Олбансдейлом.

Порция хитро прищурилась.

– Зачем ей обручаться с ним, если она может поймать Колина Бриджертона.

– Фелисити скорее умрет, чем станет бегать за Колином.

– Глупости! Фелисити умная девушка и понимает, что Колин Бриджертон гораздо лучший улов.

– Но Фелисити любит мистера Олбансдейла!

Порция удрученно поникла в своем кресле, обитом тисненым бархатом.

– Пожалуй.

– И потом, – с чувством добавила Пенелопа, – мистер Олбансдейл владеет весьма значительным состоянием.

Порция задумчиво постучала указательным пальцем по щеке.

– Да, – кивнула она. – Не таким значительным, конечно, как у Бриджертона, но, боюсь, тут уж ничего не поделаешь.

Пенелопа, хоть и понимала, что пора закрыть тему, не смогла удержаться от последней реплики:

– Я думаю, мама, это замечательная партия для Фелисити. Мы должны радоваться за нее.

– Знаю, знаю, – ворчливо отозвалась Порция. – Просто мне всегда хотелось, чтобы одна из моих дочерей вышла замуж за Бриджертона. Какая блестящая партия! Весь Лондон говорил бы обо мне неделями. А может, годами.

Пенелопа с ожесточением воткнула иголку в подушечку. Довольно глупый способ дать выход гневу, но это лучше, чем вскочить на ноги и заорать: «А я?» Похоже, ее мать уверена, что, когда Фелисити выйдет замуж, придется распрощаться с надеждами на союз с Бриджертонами. Но ведь она, Пенелопа, до сих пор не замужем – или это не считается?

Неужели это слишком много – желать, чтобы ее мать гордилась ею так же, как тремя другими дочерьми? Конечно, Колин никогда не возьмет ее в жены, но разве мать не должна быть чуточку слепой к недостаткам своих детей? Очевидно, что ни Пруденс, ни Филиппа, ни даже Фелисити не имеют шансов породниться с Бриджертонами. Но почему ее мать считает, что они привлекательнее Пенелопы?

Даже если признать, что Фелисити пользовалась успехом, превышавшим достижения ее старших сестер, Пруденс и Филиппа никогда не были королевами бала и нередко подпирали стены так же, как и Пенелопа.

Теперь они замужем. Хотя Пенелопа не согласилась бы связать свою судьбу ни с одним из их мужей.

К счастью, мысли Порции уже переключились на более приятные темы.

– Я должна навестить Вайолет, – заявила она. – Представляю, как она счастлива, что Колин вернулся.

– Уверена, леди Бриджертон будет рада видеть тебя.

– Бедняжка. – Порция драматически вздохнула. – Знаешь, она так переживает за него...

– Знаю.

– Право, это больше, чем может вынести материнское сердце. Колину пора остепениться. Один Бог знает, с чем можно столкнуться в этих языческих странах...

– Насколько я знаю, греки – христиане, – вставила Пенелопа, не поднимая глаз от вышивания.

– Не смей дерзить, Пенелопа Анна Федерингтон! Я знаю, что говорю. Они католики!

– И вовсе они не католики, – возразила Пенелопа, отложив в сторону вышивание. – Они православные.

– В любом случае они не принадлежат к англиканской церкви, – пренебрежительно отозвалась Порция.

– Учитывая, что они греки, вряд ли их удручает этот факт.

Глаза Порции неодобрительно сузились.

– А откуда тебе известно, какая религия у греков? Впрочем, можешь не говорить, – заявила она с драматическим жестом. – Наверняка где-нибудь прочитала.

Пенелопа вздохнула, не сразу найдя подходящий ответ.

– Лучше бы ты поменьше читала, – сказала Порция. – Возможно, я давно выдала бы тебя замуж, если бы ты уделяла больше внимания своим светским обязанностям, чем...

Она замолчала, и Пенелопе пришлось спросить:

– Чему?

– Не знаю. Тому, что заставляет тебя сидеть, уставившись в пространство и грезя наяву.

– Я всего лишь размышляю, – сказала Пенелопа. – Иногда мне нужно остановиться и подумать.

– О чем? – пожелала знать Порция.

Пенелопа не могла не улыбнуться. В этом вопросе заключалось все, что отличало ее от матери.

– Ни о чем, – сказала она. – Правда.

У Порции был такой вид, словно она хотела что-то добавить, но передумала. А может, ей просто захотелось есть. Она взяла печенье с чайного подноса и сунула его в рот.

Пенелопа протянула руку за последним печеньем, но затем решила оставить его матери. Совсем неплохо, если рот Порции будет занят. Главное, что ей сейчас нужно, – это оказаться втянутой в очередные разговоры о Колине Бриджертоне.

– Колин вернулся!

Подняв глаза от «Краткой истории Греции», Пенелопа увидела Элоизу Бриджертон, ворвавшуюся в ее комнату. Как обычно, Элоиза обошлась без объявления о своем приходе. Дворецкий Федерингтонов настолько привык видеть ее в доме, что относился к ней как к члену семьи.

– Неужели? – поинтересовалась Пенелопа, изобразив (довольно правдоподобно, с ее точки зрения) равнодушие и сунув «Краткую историю Греции» под «Матильду» Филдинга, пользовавшуюся большим успехом в прошлом году. Томик «Матильды» украшал книжные полки в каждом доме. И был достаточно толстым, чтобы прикрыть «Краткую историю Греции».

– Представь себе, – сказала Элоиза, усевшись за письменный стол Пенелопы. – Он ужасно загорел. Наверное, все время торчал на солнце.

– Кажется, он был в Греции?

Элоиза покачала головой.

– Он сказал, что военные действия активизировались и стало слишком опасно. Поэтому он поехал на Кипр.

– Ну и ну, – протянула с улыбкой Пенелопа. – Похоже, леди Уистлдаун что-то перепутала.

Элоиза сверкнула ответной бриджертоновской улыбкой, и Пенелопа в очередной раз подумала, как ей повезло, что Элоиза стала ее лучшей подругой. Они были неразлучны с семнадцати лет. Вместе проводили лондонские сезоны, вместе выросли и, к величайшему неудовольствию своих матерей, вместе превратились в старых дев.

Элоиза заявляла, что не встретила подходящего человека.

Пенелопу, понятное дело, никто не спрашивал.

– Ну и как? Ему понравилось на Кипре? – поинтересовалась Пенелопа.

Элоиза вздохнула.

– Он в восторге. Как бы мне хотелось путешествовать! Такое ощущение, что все, кроме меня, где-то побывали.

– И меня, – напомнила Пенелопа.

– И тебя, – согласилась Элоиза. – Не представляю, что бы я без тебя делала.

– Элоиза! – воскликнула Пенелопа, запустив в нее диванной подушкой. Но она и сама не переставала благодарить судьбу, пославшую ей Элоизу. Многие женщины прожили всю жизнь, не имея близкой подруги, а у нее есть кто-то, кому она может доверить все свои секреты. Ну,

почти все. Она никогда не рассказывала Элоизе о своих чувствах к Колину, но подозревала, что та догадывается. Элоиза была слишком тактична, чтобы говорить на эту щекотливую тему, что только подтверждало уверенность Пенелопы, что Колин никогда ее не полюбит. Если бы Элоиза хоть на секунду допустила, что у Пенелопы есть шанс заполучить Колина в мужа, она занялась бы устройством этого брака с напором, достойным армейского генерала.

Когда нужно было чего-то добиться, Элоиза проявляла редкую изобретательность.

– ...а море было таким бурным, что содержимое его желудка оказалось за бортом... – Элоиза нахмурилась. – Да ты меня совсем не слушаешь.

– Не совсем, – возразила Пенелопа, – отчасти. Не могу поверить, что Колин рассказал тебе, что его стошнило.

– А что такого? Я же его сестра.

– Он придет в ярость, если узнает, что ты поделилась со мной.

Элоиза небрежно отмахнулась:

– Вряд ли. Ты для него как сестра.

Пенелопа улыбнулась, подавив вздох.

– Мама, естественно, попыталась выяснить, собирается ли он остаться на сезон, – продолжила Элоиза, – но он был чертовски уклончив. Так что я решила расспросить его сама...

– Очень умно с твоей стороны, – вставила Пенелопа.

Элоиза бросила в нее подушкой.

– В общем, я заставила его признаться, что он намерен провести в Лондоне по крайней мере два месяца. Правда, мне пришлось пообещать, что я ничего не скажу маме.

– А вот это, – Пенелопа лукаво улыбнулась, – очень глупо с его стороны. Если твоя матушка решит, что он не задержится здесь надолго, она удвоит свои усилия окрутить его. Мне казалось, именно этого он и пытается избежать.

– Похоже, это цель его жизни, – согласилась Элоиза.

– Если бы он внушил ей мысль, что торопиться некуда, может, она не стала бы так давить на него.

– Интересная мысль, – заметила Элоиза, – но, боюсь, она верна скорее в теории, чем на практике. Наша матушка так жаждет видеть его женатым, что удвоение усилий ничего не изменит. Ее обычных усилий вполне достаточно, чтобы свести его с ума.

– Интересно, а можно быть сумасшедшим вдвойне? – задумчиво произнесла Пенелопа.

Элоиза склонила голову набок.

– Не знаю, – сказала она. – И не хочу знать.

Они помолчали, что случалось с ними крайне редко, затем Элоиза вскочила на ноги.

– Мне пора.

Пенелопа улыбнулась. Люди, плохо знавшие Элоизу, могли бы подумать, что она склонна часто и внезапно менять тему разговора, но Пенелопа знала, что все как раз наоборот. Когда Элоизе что-то втемяшивалось в голову, она была совершенно не способна думать ни о чем другом. Из чего следовало, что если Элоизе понадобилось срочно уйти, скорее всего это связано с тем, что они только что обсуждали.

– Колин обещал прийти к чаю, – объяснила Элоиза.

Пенелопа улыбнулась. Приятно сознавать, что она оказалась права.

– Ты тоже приходи, – сказала Элоиза.

Пенелопа покачала головой.

– Он захочет побыть с семьей.

– Пожалуй, – кивнула Элоиза. – Ладно, я пошла. Ужасно жаль, что приходится так быстро уходить, но я хотела убедиться, что ты знаешь, что Колин дома.

– Леди Уистлдаун позаботилась, – напомнила ей Пенелопа.

– Ах да. Где эта женщина добывает информацию? – Элоиза в изумлении покачала головой. – Иногда она проявляет такую осведомленность о нашей семье, что становится страшно.

– Это не может продолжаться вечно, – заметила Пенелопа, вставая, чтобы проводить подругу. – В конечном счете кто-нибудь должен догадаться, кто скрывается под этим именем, как ты считаешь?

– Не знаю. – Элоиза взялась за дверную ручку. – Мне тоже так казалось. Но прошло уже более десяти лет. Даже больше. Если бы ее могли разоблачить, думаю, это бы уже случилось.

Они двинулись вниз по лестнице.

– Когда-нибудь она совершит ошибку. В конце концов, она всего лишь человек.

Элоиза засмеялась:

– Я начинаю сомневаться в этом.

Пенелопа обнаружила, что улыбается.

Элоиза вдруг остановилась и так резко повернулась, что Пенелопа налетела на нее, и обе чуть не свалились с последних ступенек.

– Знаешь что? – требовательно спросила Элоиза.

– Не имею представления.

Элоиза пропустила ее реплику мимо ушей.

– Я готова биться об заклад, что она допускала ошибки, – заявила она.

– Ошибки?

– Ну да. Она – или он, что вполне возможно, – издает свой листок более десяти лет. Никто не может протянуть так долго без единой ошибки. Знаешь, что я думаю?

Пенелопа только развела руками в нетерпеливом жесте.

– Проблема в том, что мы все слишком тупые, чтобы заметить ее ошибки.

С минуту Пенелопа молча смотрела на нее, затем расхохоталась.

– О, Элоиза, – сказала она, утирая слезы. – Я тебя обожаю.

Элоиза усмехнулась:

– Должен же кто-то любить такую старую деву, как я. Видимо, после тридцати нам придется поселиться вместе и коротать свой век в компании друг друга.

Пенелопа ухватила за идею, как утопающий за соломинку.

– По-твоему, это возможно?! – воскликнула она. Затем, понизив голос и оглядевшись по сторонам, добавила: – Моя мать начала говорить о своей старости с пугающей частотой.

– Что в этом пугающего?

– То, что во всех ее видениях присутствую я в качестве компаньонки и прислуги.

– О господи!

– Я бы употребила более сильное выражение.

– Пенелопа! – одернула ее Элоиза, улыбаясь.

– Я люблю свою мать.

– Знаю, – примирительно сказала Элоиза.

– Но я действительно люблю ее.

Уголок рта Элоизы лукаво приподнялся.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Просто...

Элоиза подняла руку.

– Не оправдывайся. Я тебя прекрасно понимаю... О! Добрый день, миссис Федерингтон!

– Элоиза! – воскликнула Порция, появившись в холле. – Я не знала, что ты здесь.

– Проскользнула, как всегда, – отозвалась Элоиза. – Со свойственным мне нахальством. Порция одарила ее снисходительной улыбкой.

– Я слышала, твой брат вернулся.

– Да, мы все ужасно рады.

– Особенно твоя матушка, надо полагать.

– О да. Она вне себя от счастья. Думаю, она уже занялась составлением списка.

Порция обратилась в слух, уловив намек на нечто, о чем можно будет всласть посплетничать.

– Какой список?

– О, такой же, как те, что она составляла для всех своих детей, достигших брачного возраста. Список будущих супругов и тому подобного.

– Хотела бы я знать, – сухо заметила Порция, – что означает «тому подобного».

– Иногда она включает в список парочку-другую лиц, совершенно неподходящих, чтобы подчеркнуть на их фоне достоинства реальных претендентов.

Порция рассмеялась:

– Возможно, она включит в список тебя, Пенелопа.

Ни Пенелопа, ни Элоиза не разделили ее веселья, но такие мелочи никогда не интересовали миссис Федерингтон.

– Пожалуй, я пойду, – сказала Элоиза, кашлянув, чтобы сгладить неловкость. – Колин обещал прийти к чаю. Мама хочет, чтобы присутствовала вся семья.

– И вы все уместитесь? – поинтересовалась Пенелопа. Дом леди Бриджертонов имел солидные размеры, но ее семейство, с детьми, их супругами и внуками, насчитывало более двадцати человек. Внушительный выводок, что ни говори.

– Мы соберемся в Бриджертонов-Хаусе, – объяснила Элоиза.

Ее мать переехала из лондонской резиденции Бриджертонов после женитьбы старшего сына. Энтони, ставший виконтом в восемнадцать лет, уверял ее, что в этом нет никакой необходимости, но она настояла на том, что его жена должна чувствовать себя хозяйкой в собственном доме. В результате Энтони и Кейт с тремя детьми остались в Бриджертонов-Хаусе, а сама миссис Бриджертон Вайолет, с тремя ее младшими детьми, еще не вступившими в брак (не считая Колина, который имел собственные апартаменты), поселилась неподалеку от них, на Брутон-стрит.

– Желаю вам хорошо провести время, – сказала Порция. – Пойду поищу Фелисити. Мы опаздываем к модистке.

Элоиза проводила глазами миссис Федерингтон, скрывшуюся на лестнице.

– Похоже, твоя сестра проводит много времени у модистки.

Пенелопа пожала плечами.

– Фелисити бесят эти бесконечные примерки, но мама не перестает надеяться, что она сделает блестящую партию. Боюсь, она убеждена, что Фелисити выскочит за герцога, если одеть ее надлежащим образом.

– Разве она практически не обручена с мистером Олбансдейлом?

– Думаю, он сделает предложение на следующей неделе. Но пока этого не произошло, мама готова рассматривать другие варианты. – Пенелопа закатила глаза. – Тебе лучше предупредить брата, чтобы держался подальше.

– Грегори? – недоверчиво спросила Элоиза. – Да он еще не вышел из студенческого возраста.

– Колина.

– Колина? – Элоиза расхохоталась. – Невероятно.

– Именно это я ей и сказала, но ты же знаешь, какой она бывает, если вобьет себе что-нибудь в голову.

Элоиза хмыкнула:

– Такой же, как я, полагаю.

– У нее хватка, как у бульдога.

– Очень полезное качество, – заметила Элоиза, – в некоторых ситуациях.

– Вот именно, – согласилась Пенелопа с иронической улыбкой, – а в некоторых – сущий кошмар.

Элоиза рассмеялась:

– Приободрись, подружка. По крайней мере она позволила тебе избавиться от всех этих желтых платьев.

Пенелопа взглянула на свое утреннее платье голубого цвета.

– Она перестала выбирать мне одежду, когда окончательно поняла, что я, по общему убеждению, перешла в категорию старых дев. С ее точки зрения, девушка, не имеющая брачных перспектив, не стоит того, чтобы тратить на нее время и усилия. Уже целый год, как она не сопровождает меня к модистке. Какое блаженство!

Элоиза улыбнулась, глядя на подругу, чей цвет лица приобретал прелестный сливочно-персиковый оттенок, когда она надевала одежду холодных тонов.

– Все сразу поняли, что тебе позволили одеваться самой. Даже леди Уистлдаун отметила этот факт.

– Я спрятала ту заметку от мамы, – призналась Пенелопа. – Не хотела ранить ее чувства.

– Очень великодушно с твоей стороны, Пенелопа.

– Я вообще очень великодушная.

– Мне всегда казалось, – фыркнула Элоиза, – что великодушные люди не хвастаются своим великодушием.

Пенелопа притворно нахмурилась и подтолкнула Элоизу к двери.

– Разве тебе не пора домой?

– Уже ухожу! Пока! – Она махнула рукой и выскользнула наружу.

А все-таки приятно, решил Колин Бриджертон, сделав глоток отличного виски, вернуться в Англию. Он сидел развалившись на диване возле окна.

Странно, но возвращение домой всегда доставляло ему ничуть не меньшее удовольствие, чем отъезд. Через несколько месяцев – максимум шесть – его опять потянет в дорогу, но пока апрель в Англии обещал быть великолепным.

– Неплохо, да?

Колин поднял глаза. Его брат Энтони, расположившийся напротив в массивном кресле красного дерева, качнул своим бокалом с виски.

Колин кивнул.

– Я даже не понимал, как мне его не хватает, пока не вернулся. Узо¹ имеет свои достоинства, но это, – он приподнял свой бокал, – божественный напиток.

Энтони иронически улыбнулся:

– И долго ты намерен пробыть дома на этот раз?

Колин встал и подошел к окну, сделав вид, что смотрит наружу. Его старший брат не скрывал своего недовольства страстью Колина к странствиям. По правде говоря, Колин его отлично понимал. Порой он не имел возможности отправить письма домой, и его родным приходилось месяцами ждать от него весточки. Но, хотя он не желал бы оказаться на их месте – они месяцами не знали, жив он или мертв, постоянно ожидая стука почтальона в дверь, – этого было недостаточно, чтобы удержать его в Англии.

Время от времени ему было просто необходимо уехать. Никакого другого объяснения своей склонности к бродяжничеству Колин не мог придумать.

Уехать от высшего света, для которого он был не более чем очаровательным повесой, из Англии, где младшим сыновьям полагалось идти в армию или принимать сан, что не соот-

¹ Греческая водка.

ветствовало его темпераменту, даже от родных, которые искренне любили его, но не имели понятия, что в глубине души ему хочется заняться чем-нибудь полезным.

Его брат Энтони был виконтом, что накладывало на него множество обязанностей. Он управлял поместьем, вел семейные финансовые дела, заботился о благополучии многочисленных арендаторов и слуг. Бенедикт, который был старше Колина на четыре года, приобрел известность как художник. Начав как рисовальщик, он, поощряемый своей женой, перешел на масляную живопись. Один из его пейзажей висел теперь в Национальной галерее.

Энтони навсегда останется на семейном генеалогическом древе как седьмой виконт Бриджертон. Бенедикт обеспечит себе если не бессмертие, то долгую память своими картинами.

А он, Колин? Что он может предьявить, помимо управления небольшим поместьем, выделенным ему семьей, и посещения светских балов? Ему не слишком нравилась такая жизнь, хотелось чего-то большего.

Хотелось иметь какую-то серьезную цель в жизни.

Что-то вроде миссии.

Хотелось, покинув этот мир, оставить какой-нибудь иной след, кроме как быть упомянутым в «Светских новостях от леди Уистлдаун».

Колин вздохнул. Неудивительно, что он проводит большую часть времени в путешествиях.

– Колин? – окликнул его брат.

Колин обернулся. Занятый своими мыслями, он совершенно забыл о вопросе, заданном ему Энтони.

– Ах да. Сколько я здесь пробуду? – Колин немного поразмышлял. – До конца сезона как минимум.

Энтони ничего не сказал, но нельзя было не заметить удовлетворения, отразившегося на его лице.

– Должен же кто-то, – добавил Колин со своей известной усмешкой, – баловать твоих детей. Мне кажется, у Шарлотты маловато кукол.

– Всего полсотни, – невозмутимо согласился Энтони. – Бедным ребенком чудовищно пренебрегают.

– Ее день рождения в конце месяца, не так ли? Думаю, я успею восполнить этот пробел.

– Кстати, о днях рождения, – сказал Энтони. – Надеюсь, ты не забыл, что до маминого осталось чуть больше недели.

– А почему, по-твоему, я так поспешил вернуться?

Энтони вопросительно взглянул на него, и у Колина возникло ощущение, что тот пытается решить, действительно ли это было причиной его возвращения, или же случилось удачное совпадение.

– Мы устраиваем прием в ее честь, – сказал Энтони.

– И она не возражает? – Колин по опыту знал, что после определенного возраста женщины не любят отмечать свои дни рождения. И хотя его мать была по-прежнему весьма привлекательна, она, вне всякого сомнения, достигла этого возраста.

– Пришлось прибегнуть к шантажу, – признался Энтони. – Либо она соглашается на прием, либо мы сообщаем всем ее истинный возраст.

Колин поперхнулся виски.

– Хотел бы я посмотреть на это.

Энтони улыбнулся с нескрываемым удовлетворением.

– Это был блестящий ход с моей стороны.

Колин допил виски.

– Как ты думаешь, есть надежда, что она не попытается воспользоваться этим приемом, чтобы найти мне жену?

– Очень слабая.

– Так я и думал.

Энтони откинулся назад в кресле.

– Тебе уже тридцать три, Колин...

Колин недоверчиво уставился на него.

– Ради бога, Энтони, хоть ты не начинай.

– У меня и в мыслях нет давить на тебя. Я всего лишь предлагаю тебе смотреть жизни в глаза. Никто не требует, чтобы ты непременно женился, но ничего страшного не случится, если ты хотя бы рассмотришь подобную возможность.

Колин бросил взгляд на дверь, подумывая об уходе.

– Уверяю тебя, я не испытываю отвращения к браку.

– Я этого и не думаю, – сказал Энтони.

– Но не вижу особых причин спешить.

– Ну, спешить никогда не следует, – заметил Энтони, – за редким исключением. Просто порадай маму, хорошо?

Колин не отдавал себе отчета, что все еще держит пустой бокал, пока тот не выскользнул у него из пальцев, глухо стукнувшись о ковер.

– Милостивый Боже, – прошептал он, – она больна?

– Нет! – воскликнул Энтони, невольно повысив голос. – Уверен, она еще переживет нас всех.

– Тогда к чему весь этот разговор?

Энтони вздохнул.

– Я всего лишь хочу видеть тебя счастливым.

– Я счастлив, – заявил Колин.

– Правда?

– Проклятие, я счастливейший человек в Лондоне. Если не веришь, почитай леди Уистл-даун. Уж она-то знает.

Колин взглянул на газету, лежавшую на письменном столе.

– Ну, может, не в этом номере, но в прошлом году меня чаще называли «обаятельным», чем леди Данбери «бесцеремонной», а это что-то значит.

– «Обаятельный» не значит «счастливый», – мягко возразил Энтони.

– Неужели нам больше нечего обсудить? – проворчал Колин, подходя к двери.

– Будь ты и вправду счастлив, – настаивал Энтони, – не уезжал бы так часто.

Колин медлил, взявшись за дверную ручку.

– Энтони, мне нравится путешествовать.

– Постоянно?

– Иначе я бы этого не делал.

– Это самый уклончивый ответ из всех, что мне приходилось слышать.

– А это, – Колин одарил брата коварной улыбкой, – самый уклончивый поступок.

– Колин!

Но тот уже вышел из комнаты.

Глава 2

В свете всегда было модно жаловаться на скуку, но в этом году завсегдааи вечеринок довели это искусство до совершенства. В наши дни невозможно сделать и шага на очередном светском приеме, чтобы не услышать фразы типа «ужасная тоска» или «безумная скука». Как стало известно автору этих строк, Крессида Тумбли недавно заявила, что она может скончаться от скуки, если ей придется посетить еще один музыкальный вечер.

(В этом автор готов согласиться с леди Тумбли: хотя нынешние дебютантки довольно милы, ни одна из них не блещет талантами.)

Если от этой эпидемии и есть лекарство, то это, несомненно, торжество, которое состоится в воскресенье в Бриджертон-Хаусе. Помимо членов семьи, приглашены сотни их близких друзей и знакомых, чтобы отметить день рождения виконтессы.

Поскольку упоминать возраст леди – дурной тон, автор не станет сообщать, сколько лет исполнится имениннице.

Но будьте уверены, автору это известно!
*«Светские новости от леди Уистлдаун»,
9 апреля 1824 года*

Хотя ярлык «старая дева» носит пренебрежительный оттенок, Пенелопа довольно быстро поняла, что статус незамужней имеет свои преимущества.

Во-первых, никто всерьез не ожидает, что старая дева станет танцевать на балах, а это значило, что Пенелопе больше не придется топтаться на краю бального зала, оглядываясь по сторонам с таким видом, словно ей вовсе не хочется танцевать. Теперь она могла сидеть в стороне с другими старыми девами и компаньонками. Конечно, ей по-прежнему хотелось танцевать – вообще-то она любила танцевать и делала это совсем неплохо, хотя никто не удосужился этого заметить, – но было намного легче изображать равнодушие, находясь вдали от танцующих пар.

Во-вторых, резко сократилось время, которое приходилось тратить на скучные разговоры. Миссис Федерингтон, окончательно отказавшись от надежды выдать Пенелопу замуж, перестала подсовывать ее в качестве собеседницы каждому третьесортному холостяку. Порция никогда по-настоящему не рассчитывала, что Пенелопа способна привлечь холостяка первого или второго сорта – что, возможно, соответствовало истине, – но большинство третьесортных холостяков считались таковыми не без причины, и причина эта, увы, заключалась в их личных качествах или в отсутствии таковых. Что в сочетании с робостью Пенелопы не способствовало увлекательным беседам.

И наконец, она снова могла есть то, что любила. Считалось, что девицы, занятые охотой на мужей, должны играть роль утонченных созданий и есть мало, как птички. Учитывая качество еды, подаваемой на светских приемах, это было для Пенелопы настоящим мучением. «Вот оно, – злорадно думала она, вонзая зубы в восхитительный эклер, – главное преимущество старой девы».

– Святые небеса! – простонала Пенелопа, радуясь, что она за столиком одна и ее никто не видит. Если бы грех мог принять конкретную форму, это наверняка было бы пирожное.

– Вкусно?

Пенелопа подавилась эклером и закашлялась.

– Колин, – выдохнула она.

– Пенелопа, – тепло улыбнулся он. – Приятно видеть тебя снова.

– Взаимно.

Колин пару раз качнулся на каблуках, глядя на нее.

– Хорошо выглядишь.

– Ты тоже, – отозвалась Пенелопа, пытаясь сообразить, куда бы сунуть недоеденный эклер, но не нашла подходящего места и опустила руку с эклером вниз.

– Симпатичное платье, – сказал Колин, указав на ее платье из зеленого шелка.

Пенелопа смущенно улыбнулась:

– По крайней мере не желтое.

– Точно. – Он ухмыльнулся, и лед был сломан. Все-таки странно. Казалось бы, она должна чувствовать себя скованно в присутствии любимого мужчины, но в Колине было нечто такое, что настраивало всех на непринужденный лад.

Впрочем, Пенелопе не раз приходило в голову, что она полюбила Колина еще и потому, что рядом с ним она чувствовала себя в ладу с собой.

– Элоиза сказала, что ты прекрасно провел время на Кипре.

Колин усмехнулся:

– Я не мог устоять от соблазна посетить место рождения Афродиты.

Пенелопа невольно улыбнулась, заразившись его хорошим настроением, хотя ей меньше всего хотелось говорить о богине любви.

– Там действительно так солнечно, как говорят? – поинтересовалась она. – Впрочем, можешь не отвечать. Я вижу это по твоему лицу.

– Похоже, я немного загорел, – кивнул он. – Матушка чуть не упала в обморок при виде меня.

– Наверное, от восторга, – произнесла Пенелопа с нажимом. – Она ужасно скучала, когда ты уехал.

Колин склонился ближе.

– Послушай, Пенелопа, ты же не собираешься пилить меня? Мне вполне достаточно упреков мамы, Энтони, Элоизы и Дафны, чтобы безвременно скончаться под грузом вины.

– А что же Бенедикт? – не удержалась Пенелопа.

Он метнул в нее хитрый взгляд.

– Его нет в городе.

– Что ж, это объясняет его молчание.

Колин скрестил руки на груди и уставился на нее сузившимися глазами.

– Ты всегда была такой дерзкой?

– Я это тщательно скрывала, – скромно отозвалась Пенелопа.

– Теперь понятно, – сухо заметил он, – почему ты так сдружилась с моей сестрой.

– Это следует понимать как комплимент?

– Я бы не посмел сказать что-нибудь другое, не рискуя своим здоровьем.

Пенелопа лихорадочно размышляла, пытаясь придумать остроумный ответ, когда услышала какой-то звук, похожий на шлепок. Опустив глаза, она увидела на чистейшем деревянном полу желтоватый сгусток крема, вывалившийся из ее недоеденного эклера. Вскинув взгляд, она встретила с зелеными глазами Колина. В них плясали смешинки, хотя он пытался сохранить серьезное выражение.

– Какой позор! – сказала Пенелопа, решив, что единственный способ не умереть от стыда – это признать очевидное.

– Думаю, – сказал Колин, выгнув бровь с самым бесшабашным видом, – нам лучше бежать отсюда, пока никто ничего не заметил.

Пенелопа бросила растерянный взгляд на выпотрошенный эклер, который она все еще держала в руке. Колин разрешил ее сомнения, кивнув в сторону растения в горшке, стоявшего неподалеку.

– О нет! – выдохнула она, округлив глаза.

Колин склонился к ее уху:

– Смелее.

Взгляд Пенелопы метнулся от эклера к растению, прежде чем вернуться к лицу Колина.

– Я не могу, – прошептала она.

– Из всех шалостей это самая невинная, – заметил он.

В его глазах светился вызов, и хотя Пенелопа не имела склонности к детским выходкам такого сорта, трудно было устоять перед полуулыбкой Колина.

– Ладно, – сказала она, шагнув вперед, и опустила эклер в горшок с растением. Затем, воровато оглядевшись, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, повернула горшок так, чтобы листья прикрыли свидетельство ее преступления.

– Не думал, что ты решишься, – усмехнулся Колин.

– Ты же сам сказал, что это невинная шалость.

– Да, но это любимая пальма моей матери.

– Колин! – Пенелопа потянулась к горшку с явным намерением извлечь злосчастный эклер. – Как ты мог позволить мне... Хотя постой. – Она выпрямилась, прищулив глаза. – Это же не пальма.

– Разве? – поинтересовался он с самым невинным видом.

– Это апельсиновое дерево.

Колин вскинул брови:

– Неужели?

Пенелопа сердито нахмурилась. По крайней мере попыталась. На Колина Бриджертона было трудно сердиться. Даже его мать однажды посетовала, что сделать ему выговор практически невозможно.

Он покаянно улыбался, говорил что-нибудь забавное, и вся злость пропадала.

– Ты пытаешься внушить мне чувство вины, – сказала Пенелопа.

– Каждый может спутать пальму с апельсиновым деревом.

Она едва удержалась, чтобы не закатить глаза.

– Ну да, если не обращать внимания на апельсины.

Он задумчиво пожевал нижнюю губу.

– Хм, апельсины на пальме – это, пожалуй, чересчур.

– Тебе не говорили, что ты ужасный лжец?

Колин выпрямился, одернул жилет и вскинул подбородок.

– Вообще-то я отличный лжец. Но в чем мне действительно нет равных, так это в умении принимать покаянный вид, будучи пойманным.

Ну что можно сказать в ответ на подобное признание? Тем более что никто не мог выглядеть более милым, чем Колин Бриджертон, стоявший перед ней со сцепленными за спиной руками, уставившись в потолок и сложив губы в трубочку в невинном посвистывании.

– Тебя в детстве когда-нибудь наказывали? – поинтересовалась Пенелопа, резко сменив тему.

Колин выпрямился, изобразив подчеркнутое внимание.

– Прошу прощения?

– Тебя наказывали, когда ты был маленьким? – повторила она. – Тебя вообще когда-нибудь наказывали?

С минуту Колин молча смотрел на нее, гадая, понимает ли она, о чем спрашивает. Наверное, нет.

– Э-э... – сказал он, не зная, что еще сказать.

Пенелопа испустила снисходительный вздох.

– Видимо, нет.

Будь он менее терпимым или будь рядом с ним кто-нибудь другой, а не Пенелопа Федерингтон – в которой, как он знал, не было ни крупинки злобы, – Колин мог бы обидеться. Но, будучи на редкость покладистым парнем и учитывая, что Пенелопа Федерингтон была верной подругой его сестры бог знает сколько лет, Колин, вместо того чтобы осадить ее ледяным взглядом (который, впрочем, ему никогда не удавался), улыбнулся и спросил:

– И что с того?

– Не подумай, что я критикую твоих родителей, – сказала она с выражением одновременно простодушным и лукавым. – Или хочю сказать, что тебя избаловали в детстве.

Он учтиво поклонился.

– Просто, – она подалась к нему, словно собиралась открыть большой секрет, – я думаю, что при желании ты мог бы выйти сухим из воды, даже совершив убийство.

Колин закашлялся – не потому что запершило в горле, скорее от изумления. Пенелопа не переставала поражать его. Она была такой забавной. Нет... удивительной. Так будет вернее. Немногие знали ее по-настоящему. Слишком застенчивая, чтобы поддерживать светскую беседу, она могла провести целый вечер на публике, отделяясь односложными репликами.

Но, находясь в обществе людей, с которыми она чувствовала себя непринужденно – а Колин полагал, что принадлежит к их числу, – она демонстрировала тонкий юмор, доброжелательное лукавство и проницательный ум.

Его не удивляло, что Пенелопа не привлекала серьезных искателей руки. Она не была красавицей, хотя при ближайшем рассмотрении оказалась более привлекательной, чем виделось ему прежде. В сиянии свечей ее темно-русые волосы отсвечивали красноватыми бликами. У нее были безупречная кожа и великолепный цвет лица – «персик со сливками», для достижения чего дамы щедро мазали свои лица кремами с содержанием мышьяка.

Однако привлекательность Пенелопы была не из тех, что бросаются в глаза. Да и застенчивость, делавшая ее порой косноязычной, не способствовала успеху в обществе.

О чем оставалось только сожалеть. Пенелопа могла бы стать для кого-нибудь хорошей женой.

– Так ты считаешь, – протянул Колин после небольшой паузы, – что мне следовало бы податься в преступники?

– Вовсе нет, – отозвалась она с лукавой улыбкой. – Просто ты способен убедить кого угодно в чем угодно. – И, внезапно посерьезнев, добавила: – Я завидую этому.

Колин удивил самого себя, протянув ей руку и предложив:

– Пенелопа Федерингтон, почему бы тебе не потанцевать со мной?

Впрочем, Пенелопа тоже удивила его, рассмеявшись в ответ:

– Очень мило с твоей стороны пригласить меня, но ты больше не обязан танцевать со мной.

Почему-то Колин почувствовал себя задетым.

– Что, к дьяволу, это значит?

Она пожала плечами.

– Я теперь официально причислена к старым девам. Так что больше незачем танцевать со мной только для того, чтобы я не чувствовала себя покинутой.

– Я вовсе не потому танцевал с тобой, – запротестовал Колин, хотя знал, что она точно угадала причину. Собственно, в половине случаев он вспоминал о том, что нужно пригласить Пенелопу, только получив от матери толчок в спину.

Она одарила его жалостливым взглядом, вызвав у него вспышку раздражения. Он никак не ожидал, что его станет жалеть Пенелопа Федерингтон.

– Если ты думаешь, – произнес он, горделиво выпрямившись, – что я позволю тебе уклониться от танца со мной, ты жестоко заблуждаешься.

– Ты не обязан танцевать со мной только для того, чтобы доказать, будто тебе этого хочется, – сказала она.

– Но мне этого действительно хочется, – чуть ли не прорычал Колин.

– Ну хорошо, – сказала она после до смешного длинной паузы. – Боюсь, с моей стороны было бы неучтиво отказаться.

– Неучтиво сомневаться в моих намерениях, – сказал он, взяв ее за руку, – но я готов простить тебя, если ты простишь саму себя.

Пенелопа споткнулась, вызвав у него улыбку.

– Постараюсь, – процедила она.

– Отлично. – Колин вкрадчиво улыбнулся. – Мне было бы невыносимо думать, что ты терзаешься чувством вины.

Зазвучала музыка, Пенелопа взяла его руку и присела, выполняя первую фигуру менуэта. Разговаривать во время танца было затруднительно, что дало ей возможность перевести дыхание и собраться с мыслями.

Пожалуй, она была слишком резка с Колином. Не стоило препираться, когда он пригласил ее танцевать, ведь, сказать по правде, все танцы с Колином принадлежат к числу ее самых дорогих воспоминаний. Разве так уж важно, чем он руководствовался, приглашая ее, – чувством долга или жалостью? Было бы гораздо хуже, если бы он не делал этого вообще.

Пенелопа скорчила гримасу. Наверное, ей следует извиниться.

– Что-нибудь не так с тем эклером? – поинтересовался Колин, когда они в очередной раз сошлись в танце.

Прошло не менее десяти секунд, прежде чем они снова сблизились и Пенелопа смогла спросить:

– В каком смысле?

– У тебя такой вид, словно ты проглотила что-то несвежее, – громко сообщил Колин, которому явно надоело ждать, когда танец позволит им перекинуться словами.

Несколько человек оглянулись и украдкой отступили в сторону, словно опасались, что Пенелопу стошнит прямо на пол бального зала.

– Неужели так необходимо вопить об этом на весь свет? – прошептала Пенелопа.

– Знаешь, – задумчиво сказал Колин, согнувшись в изысканном поклоне, когда музыка отзвучала, – это самый громкий шепот, который мне приходилось слышать.

Он был невыносим, но Пенелопа не стала говорить этого вслух, не желая походить на персонаж из плохого романа. Не далее как позавчера она читала книгу, где героиня произносила эту фразу на каждой странице.

– Спасибо за танец, – сказала Пенелопа, когда они выбрались из толпы. Ей хотелось добавить: «Можешь сказать своей матери, что ты выполнил свои обязательства», но она вовремя спохватилась. Колин не заслужил подобного обращения. Не его вина, что мужчины танцуют с ней только под нажимом своих матерей. Колин по крайней мере всегда смеялся и шутил, выполняя свой долг, чего нельзя было сказать об остальных представителях сильного пола.

Колин учтиво кивнул и поблагодарил ее, в свою очередь. Однако прежде чем успели расстаться, они услышали оглушительный женский голос:

– Мистер Бриджертон!

Они оба замерли, узнав голос. Этот голос узнал бы каждый.

– Боже, спаси и сохрани, – простонал Колин.

Оглянувшись через плечо, Пенелопа увидела леди Данбери, которая проталкивалась сквозь толпу людей, пришедших на этот прием по случаю дня рождения миссис Бриджертон. При этом леди Данбери недовольно морщилась, когда ее неизменная трость опускалась на ногу какой-нибудь юной особы, имевшей несчастье оказаться у нее на пути.

– Может, она имеет в виду другого мистера Бриджертона? – предположила Пенелопа. – В конце концов, вас столько, что нетрудно и ошибиться...

– Даю тебе десять фунтов, только не оставляй меня одного, – выпалил Колин.

Пенелопа возмущенно ахнула:

– Что за глупости...

– Двадцать.

– По рукам! – с улыбкой согласилась Пенелопа не потому, что нуждалась в деньгах, просто было удивительно приятно получить их от Колина. – Леди Данбери! – воскликнула она, поспешив навстречу пожилой даме. – Как я рада вас видеть!

– Никто не рад меня видеть, – отрезала та, – кроме, может быть, моего племянника, да и то я часто сомневаюсь в этом. Но все равно спасибо.

Колин не произнес ни слова, однако леди Данбери повернулась к нему, задев его ногу своей тростью.

– Я одобряю ваш выбор партнерши для танцев, – заявила она. – Мне эта малышка всегда нравилась. У нее больше мозгов, чем у всей ее семейки, вместе взятой.

Пенелопа открыла рот, чтобы защитить хотя бы свою младшую сестру, но леди Данбери опередила ее, гаркнув:

– Ха! – И после секундной паузы добавила: – Как я погляжу, вам нечего возразить.

– Всегда рад видеть вас, леди Данбери, – сказал Колин, одарив ее улыбкой, которую он обычно адресовал оперным певичкам.

– Бойкий парнишка, – заметила леди Данбери, обращаясь к Пенелопе. – Вам следует присматривать за ним.

– Вряд ли мне представится такая возможность, – сказала Пенелопа, – потому что его почти не бывает в стране.

– Видите! – воскликнула леди Данбери. – Я же говорила, что она смышленная девчушка.

– И опять, – галантно отозвался Колин, – мне нечего возразить.

Старая дама одобрительно улыбнулась:

– Похоже, что и вы с годами поумнели, Бриджертон.

– Существует мнение, что я обладал проблесками ума и в юности.

– Хм. Проблесками? Возможно.

Колин бросил ироничный взгляд на Пенелопу, которая с трудом сдерживала смех.

– Мы, женщины, должны поддерживать друг друга, – изрекла леди Данбери, ни к кому конкретно не обращаясь, – потому что ни от кого другого этого не дождешься.

Колин решил, что с него достаточно.

– Кажется, я вижу мою матушку.

– Не пытайтесь сбежать, – заявила леди Данбери, – все равно не получится. К тому же я точно знаю, что вы не можете видеть свою мать. Она занимается какой-то безголовой девицей, умудрившейся оторвать подол платья. – Леди Данбери повернулась к Пенелопе, у которой от усилий сдержать смех на глазах выступили слезы: – Сколько он вам заплатил, чтобы вы не оставляли его наедине со мной?

– Прошу прощения, – ахнула Пенелопа, в ужасе зажав рот ладонью.

– Ничего, ничего, не стесняйся, – буркнул Колин. – Ты мне очень помогла.

– Можешь не давать мне двадцать фунтов, – сказала она.

– Я и не собирался.

– Только двадцать? – осведомилась леди Данбери. – Хм. Я полагала, что стою не меньше двадцати пяти.

Колин пожал плечами.

– Я всего лишь третий сын. И постоянно нуждаюсь в деньгах.

– Ха! У вас в карманах больше звонкой монеты, чем у нескольких графов, вместе взятых, – заявила леди Данбери. – Ну, может, не графов, – добавила она после некоторого раздумья, – но нескольких виконтов или баронов – это уж точно.

Колин вкрадчиво улыбнулся:

– Я всегда полагал, что считать деньги в чужом кармане – дурной тон.

Леди Данбери пренебрежительно хмыкнула:

– Возможно, но в моем возрасте человек может делать почти все, что пожелает.

– Интересно, – задумчиво произнесла Пенелопа, – а чего нельзя делать в вашем возрасте?

Леди Данбери повернулась к ней:

– Прошу прощения?

– Вы сказали, что можете делать почти все, что пожелаете.

Леди Данбери недоверчиво уставилась на нее, затем ее губы дрогнули в улыбке. Колин обнаружил, что тоже улыбается.

– Определенно она мне нравится, – сказала леди Данбери, ткнув пальцем в Пенелопу, словно та была статуэткой, выставленной на продажу. – Я вам говорила, что она мне нравится?

– Неоднократно, – отозвался Колин.

Леди Данбери повернулась к Пенелопе и заявила с самым серьезным видом:

– Думаю, мне не сошло бы с рук убийство, но это, пожалуй, все.

Пенелопа и Колин дружно расхохотались.

– Эй, – сказала леди Данбери, – что это вас так развеселило?

– Ничего, – выдохнула сквозь смех Пенелопа. Колин был не способен даже на это.

– Что значит – ничего? – упорствовала леди Данбери. – Я не отстану от вас, пока вы не объясните мне, в чем дело. Все равно выйдет по-моему, можете мне поверить.

Пенелопа утерла слезы, выступившие на глазах.

– Я только что сказала ему, – она качнула головой в сторону Колина, – что он способен выйти сухим из воды, даже совершив убийство.

– Вот как? – задумчиво протянула леди Данбери, постукивая тростью по полу, как кто-нибудь другой почесывал бы подбородок, размышляя над сложной проблемой. – А знаете, возможно, вы правы. В Лондоне еще не было более обаятельного мужчины.

Колин выгнул бровь.

– Почему-то я не уверен, что мне сделали комплимент, леди Данбери.

– Конечно, комплимент, дурья вы башка.

Колин подмигнул Пенелопе.

– А вот это точно комплимент.

Леди Данбери широко улыбнулась.

– Я ответственно заявляю, – провозгласила она, – что мне еще ни разу не было так весело в этом сезоне.

– Рад услужить, – сказал Колин с галантным поклоном.

– Это был на редкость скучный год, вы не находите? – обратилась леди Данбери к Пенелопе.

Та кивнула.

– В прошлом году тоже было скучновато.

– Но не так, как в этом, – настаивала леди Данбери.

– Только не спрашивайте меня, – поспешно сказал Колин. – Меня не было в стране.

– Хм. Уж не хотите ли вы сказать, что ваше отсутствие явилось причиной нашей скуки?

– Я даже не мог бы мечтать об этом, – заверил ее Колин с обезоруживающей улыбкой. – Но если подобная мысль пришла вам в голову, очевидно, в ней есть некоторый смысл.

– Хм. Какова бы ни была причина, я умирала со скуки.

Колин взглянул на Пенелопу, которая подозрительно притихла, видимо, сдерживая смех.

– Хейвуд! – воскликнула вдруг леди Данбери, поманив к себе проходившего мимо джентльмена средних лет. – Вы согласны со мной?

На лице лорда Хейвуда мелькнуло паническое выражение, но, сообразив, что сбежать не удастся, он подошел ближе.

– Я взял себе за правило всегда соглашаться с вами.

Леди Данбери повернулась к Пенелопе и поинтересовалась:

– Это плод моего воображения или мужчины действительно поумнели?

В ответ Пенелопа только уклончиво пожала плечами, и Колин решил, что она и в самом деле мудрая девушка.

Хейвуд, часто моргая голубыми глазками, утопавшими в мясистых щеках, спросил:

– А с чем, собственно, я согласился на этот раз?

– С тем, что этот сезон ужасно скучный, – любезно подсказала Пенелопа.

– О, мисс Федерингтон, – оживился Хейвуд, – извините, я вас не заметил.

Украдкой взглянув на Пенелопу, Колин увидел, что по ее губам скользнула удрученная улыбка.

– Странно, учитывая, что я совсем рядом, – пробормотала она.

– Действительно, – радостно согласился Хейвуд. – А что касается сезона, то вы совершенно правы. Чудовищно скучный сезон.

– Кажется, кто-то сказал, что сезон скучный?

Взглянув вправо, Колин увидел джентльмена и двух дам, которые присоединились к ним, живо выражая свое согласие.

– Такая скука, – заявила одна из дам. – Просто ужасающая.

– Мне еще не приходилось бывать на более нудных вечеринках, – драматически вздохнула другая.

– Я сообщу об этом матушке, – произнес Колин натянутым тоном. Он славился своим покладистым характером, но бывают оскорбления, которые нельзя спускать.

– О, не этот прием, – поспешила добавить женщина. – Этот бал – единственное светлое пятно в череде унылых сборищ. Я как раз хотела сказать...

– Лучше помолчите, – оборвала ее леди Данбери, – пока опять что-нибудь не ляпнули.

Женщина тут же замолчала.

– Все-таки странно, – задумчиво произнесла Пенелопа.

– О, мисс Федерингтон! – воскликнула дама, которая только что говорила об унылых сборищах. – Я вас не заметила.

– Что странно? – поинтересовался Колин, не дожидаясь, пока каждый сообщит Пенелопе, что не заметил ее скромного присутствия.

Она наградила его быстрой благодарной улыбкой.

– Странно, что высший свет не находит других развлечений, кроме как сетовать на отсутствие развлечений, – сказала Пенелопа.

– Прошу прощения? – озадаченно нахмурился Хейвуд.

Пенелопа пожала плечами.

– Просто мне кажется, что многие из вас неплохо проводят время, разглагольствуя о том, как им скучно.

Ее реплика была встречена молчанием. Лорд Хейвуд продолжал в замешательстве взи-
рять на нее, а одной из дам, видимо, попала соринка в глаз, потому что она странно таращи-
ла глаза.

Колин не мог не улыбнуться. Кто бы мог подумать, что утверждение Пенелопы окажется таким сложным для понимания.

– Единственное, что заслуживает интереса, – это заметки леди Уистлдаун, – изрекла вто-
рая дама, очевидно, решив пропустить мимо ушей вмешательство Пенелопы.

Джентльмен, стоявший рядом с ней, поспешил выразить согласие.

И тут леди Данбери начала улыбаться.

Колин встревожился, перехватив ее взгляд. В нем было нечто пугающее.

– У меня есть идея, – сказала она.

Кто-то ахнул, кто-то – более слабонервный – застонал.

– Великолепная идея.

– Как и все ваши идеи, – галантно заметил Колин. Леди Данбери небрежно отмахнулась от него.

– Сколько, по-вашему, бывает в жизни великих тайн?

Никто не ответил, и Колин предположил:

– Сорок две?

Леди Данбери даже не удостоила его взглядом.

– Так вот. Говорю вам здесь и сейчас...

Все подались ближе, заинтригованные столь драматическим вступлением. Даже Колин.

– Вы все будете моими свидетелями...

Колину показалось, что он услышал, как Пенелопа пробормотала: «Ну давайте, не тяните».

– Тысячу фунтов, – сказала леди Данбери.

Толпа вокруг них разрасталась.

– Тысячу фунтов, – повторила леди Данбери, повысив голос. Воистину с таким талантом ей следовало бы пойти на сцену. – Тысячу фунтов тому...

Казалось, весь бальный зал притих, напрягая слух.

– ...кто сорвет маску с леди Уистлдаун!

Глава 3

Автор пренебрег бы своим долгом, если бы не упомянул, что наиболее обсуждаемым событием на вчерашнем балу в Бриджертон-Хаусе оказалось не чествование именинницы (разумеется, без ссылок на возраст), а довольно дерзкое заявление леди Данбери, предложившей тысячу фунтов тому, кто разоблачит... меня.

Желаю успеха, дамы и джентльмены. Но эта загадка вам не по зубам.
*«Светские новости от леди Уистлдаун»,
12 апреля 1824 года*

Понадобилось ровно три минуты, чтобы весть об экстравагантном предложении леди Данбери распространилась по всему залу. Пенелопа знала это совершенно точно, поскольку она стояла лицом к огромным (и если верить Кейт Бриджертон, чрезвычайно точным) дедушкиным часам, когда леди Данбери сделала свое объявление. При словах «тысячу фунтов тому, кто сорвет маску с леди Уистлдаун» часы показывали сорок четыре минуты одиннадцатого. Длинная стрелка продвинулась не дальше отметки сорок семь, когда Найджел Бербрук, нетвердо ступая, вклинился в быстро растущую толпу вокруг леди Данбери и громогласно назвал ее последнюю затею «шикарной».

А если что-то дошло до Найджела, значит, это дошло до каждого, поскольку зять Пенелопы не отличался ни сообразительностью, ни вниманием, ни способностью слушать, что ему говорят.

«Ни словарным запасом, – насмешливо подумала Пенелопа. – «Шикарная», это надо же!»

– И кто, по-вашему, леди Уистлдаун? – спросила леди Данбери у Найджела.

– Понятия не имею, – признался тот. – Знаю только, что это не я!

– Думаю, мы все это знаем, – заметила леди Данбери.

– У тебя есть какие-нибудь идеи? – спросила Пенелопа у Колина.

Он повел плечом.

– Я слишком редко бываю в Англии, чтобы размышлять на эту тему.

– Чепуха, – возразила Пенелопа. – Ты посетил достаточно вечеринок и приемов в Лондоне, чтобы составить мнение о леди Уистлдаун.

Но Колин только покачал головой:

– Я правда не знаю.

Пенелопа вглядывалась в него чуточку дольше, чем было необходимо и чем позволяли приличия. В глазах Колина мелькнуло нечто странное, что-то неуловимое и уклончивое. В свете он считался бесшабашным повесой, но был гораздо умнее, чем могло показаться, и Пенелопа готова была поклясться, что у него есть определенные мысли на этот счет.

Но по какой-то причине он не хотел делиться с ней своими подозрениями.

– А по-твоему, кто это может быть? – поинтересовался Колин, задавая ей встречный вопрос. – Ты вращалась в обществе почти столько же, сколько леди Уистлдаун пишет свои заметки. Наверняка у тебя есть какие-нибудь мысли.

Взгляд Пенелопы прошелся по бальному залу, останавливаясь то на одном, то на другом из присутствующих, пока не вернулся к небольшой толпе, собравшейся вокруг них.

– По-моему, это вполне может быть леди Данбери, – сказала она. – Неплохая получилась бы шутка над всеми нами.

Колин посмотрел на старую даму, которая явно наслаждалась происходящим, обсуждая свою последнюю идею. Она ударяла палкой об пол, оживленно болтала и улыбалась, как кошка, отведавшая сливок, рыбы и жареной индейки.

Уголки губ Пенелопы приподнялись.

– Она вполне способна на такое. – Взглянув на Колина, наблюдавшего за леди Данбери, она добавила: – Но ты так не думаешь.

Он медленно повернул к ней голову, приподняв бровь в безмолвном вопросе.

– Я определила это по твоему лицу, – объяснила Пенелопа.

Колин изобразил беспечную усмешку, которую часто использовал на публике.

– А я-то думал, что у меня непроницаемое лицо.

– Боюсь, что нет, – сказала она. – Не для меня, во всяком случае.

Колин вздохнул:

– Видимо, мне не суждено стать мрачным страдающим героем.

– Еще не все потеряно, – утешила его Пенелопа. – Ты вполне можешь стать чьим-нибудь героем. Но мрачным и страдающим? – Она улыбнулась. – Едва ли.

– Тем хуже для меня, – отозвался Колин, одарив ее еще одной из своих замечательных улыбок. – Женщины обожают мрачных страдальцев.

Пенелопа деликатно кашлянула, немного удивленная, что Колин Бриджертон счел возможным обсуждать с ней подобные вещи, не говоря уже о том факте, что у него никогда не было проблем с женщинами. Пока она смотрела на его улыбающееся лицо, пытаясь решить, изобразить ли ей праведное негодование или рассмеяться, появилась Элоиза, чуть не налетевшая на них.

– Вы слышали новости? – спросила она, запыхавшись.

– Ты что, бежала? – поинтересовалась Пенелопа вместо ответа. Воистину удивительное достижение в такой толчее.

– Леди Данбери предложила тысячу фунтов за разоблачение леди Уистлдаун!

– Мы знаем, – сообщил Колин с ноткой превосходства в голосе, характерной для его старших братьев.

Элоиза испустила разочарованный вздох.

– Откуда?

Колин указал на леди Данбери, стоявшую в нескольких шагах от них.

– Мы присутствовали при этом знаменательном событии.

Элоиза выглядела чрезвычайно недовольной, и Пенелопа в точности знала, о чем та думает (и что скорее всего выложит ей завтра утром). Одно дело пропустить важный момент. И совсем другое – обнаружить, что твой брат видел все собственными глазами.

– Все только об этом и говорят, – сказала Элоиза. – Я уже несколько лет не наблюдала подобного волнения.

Колин склонился к Пенелопе и шепнул:

– Вот почему я предпочитаю проводить время за границей.

Пенелопа подавила улыбку.

– Я знаю, что вы говорите обо мне, но мне наплевать, – продолжила Элоиза, помедлив только для того, чтобы перевести дыхание. – Говорю вам, свет сошел с ума. Все до единого строят догадки насчет личности леди Уистлдаун, правда, самые хитрые держат свои мысли при себе. Видимо, опасаются, как бы кто не присвоил их выигрыш.

– Лично я, – заявил Колин, – не настолько нуждаюсь в тысяче фунтов, чтобы беспокоиться об этом.

– Это большие деньги, – задумчиво произнесла Пенелопа.

Он недоверчиво повернулся к ней.

– Только не говори, что ты намерена включиться в эту нелепую игру.

Пенелопа склонила голову набок, приподняв подбородок с загадочным, как она надеялась, видом.

– Я не настолько богата, чтобы пренебречь тысячью фунтов, – заявила она.

– Может, если мы займемся этим вместе... – предложила Элоиза.

– Упаси боже, – пробормотал Колин.

– Мы могли бы поделить деньги, – продолжила Элоиза, проигнорировав его реплику.

Пенелопа открыла рот, собираясь ответить, но внезапно перед ними появилась леди Данбери, энергично размахивая тростью. Колин поспешно сделал шаг в сторону, опасаясь за сохранность собственного уха.

– Мисс Федерингтон! – прогремела леди Данбери. – Вы так и не сказали мне, кого вы подозреваете.

– В самом деле, Пенелопа, – поддержал ее Колин с хитрой усмешкой на губах, – почему бы тебе не сказать, кого ты подозреваешь?

Первым побуждением Пенелопы было пробормотать себе под нос что-нибудь нечленораздельное и надеяться, что леди Данбери отнесет это на счет своего преклонного возраста и старческой глухоты. Но, даже не глядя на Колина, она ощущала его присутствие и язвительную ухмылку, которая, казалось, бросала ей вызов, и внезапно обнаружила, что спина ее распрямилась, а подбородок поднялся чуть выше, чем обычно.

Он заставил ее чувствовать себя более уверенной, более решительной. Он заставил ее стать... собой. По крайней мере такой, какой она хотела бы быть.

– Вообще-то, – сказала Пенелопа, глядя на леди Данбери в упор, – я думала, что это вы. Окружающие дружно ахнули.

Впервые в своей жизни Пенелопа Федерингтон оказалась в центре внимания.

Леди Данбери молчала, не сводя с нее пронзительного взгляда голубых глаз. Затем произошла невероятная вещь. Уголки ее губ начали подрагивать, затем раздвинулись, и Пенелопа поняла, что старая леди не просто улыбается, а ухмыляется во весь рот.

– Вы мне нравитесь, Пенелопа Федерингтон, – провозгласила леди Данбери, стукнув тростью об пол. – Готова поспорить, что половина бального зала думает так же, но ни у кого не хватило смелости сказать мне об этом.

– У меня бы тоже не хватило, – призналась Пенелопа, потихоньку охнув, когда Колин ткнул ее локтем в бок.

– Но ведь хватило, – возразила леди Данбери со странным блеском в глазах.

Не зная, что сказать, Пенелопа взглянула на Колина, который поощрительно улыбался, затем снова на леди Данбери, взиравшую на нее почти... по-матерински.

Что было самым странным из всего случившегося. Пенелопа сомневалась, что леди Данбери одаривала материнскими взглядами даже собственных детей.

– Ну разве не приятно, – сказала старая дама, склонившись ближе, так что только Пенелопа могла слышать ее слова, – обнаружить, что мы не совсем то, чем кажемся?

И двинулась прочь, оставив Пенелопу гадать, не она ли оказалась приятным сюрпризом для леди Данбери.

Возможно, и она, Пенелопа, представляет собой нечто большее, чем кажется.

На следующий день Пенелопа собиралась, как всегда, на чаепитие у леди Бриджертон на Брутон-стрит. Она не помнила, когда именно это вошло у нее в привычку, но так продолжалось уже десяток лет, и Пенелопа подозревала, что, если она не появится на чаепитии у леди Бриджертон, та пришлет за ней.

Ей нравился этот обычай, принятый далеко не у всех. Собственно, Пенелопа не знала никого, кто устраивал бы ежедневные чаепития. Но леди Бриджертон утверждала, что она просто не в состоянии дотерпеть до обеда, особенно когда они живут в городе и едят поздно вечером. В результате каждый день в четыре часа пополудни хозяйка дома и ее дети (а часто и пара-другая друзей) собирались в семейной гостиной, чтобы выпить чаю и перекусить.

Хотя день выдался теплый, моросил дождь, и Пенелопа захватила зонтик, чтобы не промокнуть по дороге к дому леди Бриджертон. Она проходила этот путь сотни раз: несколько шагов по Маунт-стрит до перекрестка, а затем по периметру Беркли-сквер до поворота на Брутон-стрит. Но в этот день она пребывала в необычном настроении, немного легкомысленном и даже чуточку ребяческом, и потому решила пересечь Беркли-сквер с единственной целью – пройти по зеленой лужайке в центре площади.

Всею причиной леди Данбери, решила Пенелопа. Она до сих пор испытывала пьянящую легкость, вызванную их вчерашней встречей.

– Я не та, кем была, – пропела она себе под нос, ступая по влажной земле.

Добравшись до особенно мокрого участка лужайки, она принялась скользить по траве, как по льду, продолжая напевать – вполголоса, разумеется: она не настолько изменилась за одну ночь, чтобы горланить во все горло, рискуя быть услышанной:

– Я стала иной, совсем другой, совсем на себя непохожей.

И тут, в подтверждение ее злосчастной способности выбирать самый неудачный момент из всех возможных, она услышала мужской голос, окликавший ее по имени.

Пенелопа резко притормозила, благодаря судьбу, что ей удалось в последний момент сохранить равновесие и не плюхнуться в мокрую траву.

Конечно же, это был он.

– Колин! – смущенно воскликнула она, ожидая, пока он поравняется с ней. – Вот так сюрприз.

У Колина был такой вид, словно он сдерживает улыбку.

– Ты танцевала?

– Танцевала? – переспросила Пенелопа.

– Это было похоже на танец.

– О нет. – Она виновато сглотнула. – Конечно, нет.

Он весело сощурился.

– Жаль, мне хотелось бы присоединиться к тебе, я никогда не танцевал на Беркли-сквер.

Если бы он сказал ей то же самое дня два назад, она бы рассмеялась и позволила ему и дальше демонстрировать свое обаяние и остроумие. Но должно быть, в уголке ее сознания снова прозвучал голос леди Данбери, потому что она вдруг решила, что больше не хочет быть скучной Пенелопой Федерингтон.

Нет, она присоединится к забаве.

Пенелопа улыбнулась. Она даже не подозревала, что способна улыбаться загадочно и лукаво, но, судя по глазам Колина, которые заметно округлились, ей это явно удалось.

– Какое упущение. Это было бы довольно приятно.

– Пенелопа Федерингтон, – протянул он, – ты вроде бы сказала, что не танцевала.

Она пожала плечами.

– Я солгала.

– В таком случае, – сказал он, – я приглашаю тебя на танец.

Пенелопа ощутила странный трепет внутри. Пожалуй, ей не следовало идти на поводу у голоса леди Данбери, поселившегося у нее в голове. Может, ей и удалось блеснуть дерзостью на короткое мгновение, но что делать дальше, она не представляла.

В отличие от Колина, который, дьявольски усмехаясь, встал в позицию вальса.

– Колин, – ахнула она, – мы же на Беркли-сквер!

– Знаю. Я же только что сказал тебе, что никогда не танцевал здесь.

– Но...

Колин скрестил руки на груди и осуждающе зацокал языком.

– Нельзя бросать вызов, а потом идти на попятную. К тому же каждый человек просто обязан хотя бы раз в жизни потанцевать на Беркли-сквер, ты не согласна?

– Нас могут увидеть, – отчаянно прошептала Пенелопа.

Колин пожал плечами, пытаясь скрыть, что его забавляет ее реакция.

– Мне все равно. А тебе?

Щеки Пенелопы порозовели, затем покраснели. Ей потребовалось сделать над собой усилие, чтобы произнести:

– Люди могут подумать, что ты ухаживаешь за мной.

Колин бросил на нее пристальный взгляд, не понимая, что ее беспокоит. Какая разница, что подумают люди? Даже если кто-нибудь решит, что он ухаживает за Пенелопой, все скоро поймут, что это чепуха, и они вместе посмеются над светскими кумушками. Он чуть было не сказал: «Ну и пусть», но вовремя спохватился. В глубине карих глаз Пенелопы притаилось какое-то чувство, которого он не понимал.

Чувство, которого, как Колин подозревал, он никогда не испытывал.

Он вдруг понял, что меньше всего хочет обидеть Пенелопу Федерингтон. Она была лучшей подругой его сестры, более того, она была очень милой девушкой, простой и сердечной.

Колин нахмурился. Пожалуй, не следует называть ее девушкой. В свои двадцать восемь она не более девушка, чем он юноша в свои тридцать три.

– А что, – осторожно поинтересовался он, – есть причины опасаться, что кто-нибудь подумает, будто я ухаживаю за тобой?

Пенелопа на мгновение прикрыла глаза. Когда она открыла их снова, в ее взгляде светилась легкая горечь.

– Это было бы очень забавно, – сказала она. – Поначалу.

Колин молчал, ожидая продолжения.

– Но в конечном итоге станет ясно, что между нами ничего нет... – Она замолчала, нервно сглотнув, и Колин понял, что Пенелопа совсем не так спокойна, как хочет казаться. – И все решат, – закончила она, – что это ты порвал со мной.

Колин не стал спорить. Он знал, что это правда.

Пенелопа испустила печальный вздох.

– Мне бы не хотелось подвергать себя подобному испытанию. Даже леди Уистлдаун, полагаю, сочтет нужным высказаться по этому поводу. Да и как иначе? Это будет слишком аппетитная сплетня, чтобы устоять перед ней.

– Мне очень жаль, Пенелопа, – сказал Колин. Он не знал, за что извиняется, но испытывал потребность сказать что-нибудь в этом роде.

Пенелопа едва заметно кивнула.

– Я понимаю, что не следует обращать внимание на досужие разговоры, но это проще сказать, чем сделать.

Колин отвернулся, размышляя над ее словами. Или над тоном, каким они были произнесены. А может, над тем и другим.

Он всегда считал себя выше условностей. Не совсем, разумеется, поскольку он вращался в том обществе, к которому принадлежал. Но он всегда считал, что его счастье не зависит от мнения окружающих.

Но возможно, он заблуждался. Легко думать, что тебя не интересует чужое мнение, если это мнение лестное. Но разве стал бы он пренебрегать им, если бы общество относилось к нему так же равнодушно, как к Пенелопе?

Ее никогда не подвергали остракизму, она не была замешана в скандалах. Но она была... непопулярна.

О, все были вежливы, а Бриджертоны даже подружились с ней, но в большинстве своих воспоминаний Колин видел Пенелопу стоящей на краю бального зала. Стараясь не смотреть на танцующие пары, она усиленно делала вид, что ей вовсе не хочется танцевать. Как раз в такие

минуты он обычно подходил к ней и приглашал на танец. Она всегда выглядела благодарной и немного смущенной, потому что они оба понимали, что он делает это по доброте душевной.

Колин попытался поставить себя на ее место. Это оказалось непросто. Он всегда пользовался успехом в своей среде. В школьные годы друзья смотрели ему в рот, а когда он появился в обществе, женщины роились вокруг него. Сколько бы он ни говорил, что ему все равно, что о нем думают, на самом деле...

Ему нравилось, что его любят.

Колин вдруг понял, что не знает, что сказать. Это было странно, учитывая, что он никогда не лез за словом в карман. Собственно, он был известен своим красноречием. Возможно, подумал он, это одна из причин его популярности.

К тому же он был уверен, что Пенелопе небезразлично, что он скажет. Почему-то в последние несколько дней ее чувства стали очень важными для него.

– Ты права, – сказал он наконец, полагая, что никогда не вредно сказать кому-то, что тот прав. – Я вел себя как бесчувственный чурбан. Может, начнем сначала?

В ее глазах застыло изумление.

– Сначала?

Колин сделал неопределенный жест, словно это все объясняло.

– Да, с чистого листа.

Пенелопа выглядела восхитительно смущенной – наблюдение, смутившее самого Колина, поскольку он никогда не находил в ней ничего восхитительного.

– Но мы знакомы уже целых двенадцать лет, – возразила она.

– Неужели так долго? – Он порылся в памяти, но даже ценой собственной жизни не смог бы вспомнить их первую встречу. – Впрочем, не важно. Я имел в виду сегодняшнее утро, глупышка.

Пенелопа невольно улыбнулась, и Колин понял, что сделал то, что нужно, назвав ее глупышкой, хотя, положа руку на сердце, не представлял почему.

– Итак, – медленно произнес он, сопроводив свои слова широким жестом, – ты идешь через Беркли-сквер, а я окликаю тебя по имени. Ты останавливаешься и отвечаешь...

Пенелопа прикусила нижнюю губу, пытаясь скрыть улыбку. Под какой волшебной звездой родился Колин, чтобы всегда знать, что сказать? Он был как сказочный флейтист, оставляющий на своем пути счастливые сердца и улыбающиеся лица. Пенелопа готова была поставить на кон все свои деньги – гораздо больше, чем тысяча фунтов, предложенная леди Данбери, – что она не единственная женщина в Лондоне, безнадежно влюбленная в Колина Бриджертона.

Колин склонил голову набок и призывно уставился на нее, ожидая продолжения.

– Я отвечаю... – медленно произнесла Пенелопа, – я отвечаю...

Колин подождал пару секунд, затем не выдержал:

– Ради бога, Пенелопа, скажи что-нибудь.

Пенелопа, собиравшаяся изобразить лучезарную улыбку, обнаружила, что улыбается совершенно искренне.

– Колин! – воскликнула она удивленным тоном, словно только что заметила его появление. – Что ты здесь делаешь?

– Отличный ответ, – одобрил он.

Пенелопа укоризненно покачала головой:

– Ты нарушаешь правила.

– Ах да, прости, пожалуйста. – Он выдержал паузу и произнес: – Полагаю, то же, что и ты. Направляюсь на Брутон-стрит на чаепитие.

Пенелопа обнаружила, что получает удовольствие от разговора.

– Можно подумать, что ты идешь в гости. Разве ты не живешь там?

Колин скорчил гримасу.

– Надеюсь, это продлится не больше недели. В крайнем случае двух. Когда я уехал на Кипр, мне пришлось отказаться от прежних апартаментов, и пока еще я не нашел подходящей замены. У меня были кое-какие дела на Пиккадилли, и я решил пройти пешком.

– Под дождем?

Он пожал плечами.

– Утром, когда я вышел из дома, дождя не было. Да и сейчас всего лишь моросит.

Всего лишь моросит! От дождя его возмутительно длинные ресницы слиплись, а глаза казались такими зелеными, что могли вдохновить не одну юную барышню на сочинение стихов. Даже Пенелопа, при всем ее здравомыслии, провела ночь без сна, уставившись в потолок и не видя ничего, кроме этих глаз.

– Пенелопа? – окликнул ее Колин, заставив очнуться.

– Ах да. Я тоже иду на чай к твоей матери. Вообще-то я это делаю постоянно, – призналась она, – когда у меня нет никаких дел дома.

– Не стоит говорить таким извиняющимся тоном. Моя матушка – очаровательная женщина. Если она хочет, чтобы ты приходила к чаю, лучше так и поступать.

Пенелопа в силу дурной привычки искать в чужих словах скрытый смысл уловила в замечании Колина намек, что он не винит ее за желание сбегать время от времени от собственной матери.

Почему-то это ее опечалило.

Колин помолчал, покачиваясь на каблуках, затем сказал:

– Пожалуй, мне не следует держать тебя под дождем.

Пенелопа улыбнулась. Они простояли здесь по меньшей мере пятнадцать минут. Но если он хочет продолжить игру, она с удовольствием подыграет.

– Ничего, у меня зонт, – сказала она.

Его губы слегка изогнулись.

– Да, но я не был бы джентльменом, если бы не пытался увести тебя в более уютное местечко. Кстати, к вопросу... – Он нахмурился и огляделся по сторонам.

– О чем?

– О джентльменах. Предполагается, что мы должны заботиться о благополучии дам.

– Ну и что?

Он скрестил руки на груди.

– Разве тебя не должна сопровождать горничная?

– Я живу недалеко отсюда, – сказала Пенелопа, несколько задетая тем, что он не помнит, где она живет. В конце концов, они с сестрой – лучшие подруги его сестер. Пару раз он даже проводил ее домой. – На Маунт-стрит, – добавила она.

Колин слегка прищурился, устремив взгляд в сторону Маунт-стрит, хотя что он там надеялся увидеть, она не представляла.

– О, ради бога, Колин. Здесь пять минут ходьбы. Даже четыре, если идти быстро.

– Я всего лишь хотел убедиться, что там нет темных закоулков, – он повернулся к ней, – где могли бы притаиться злоумышленники.

– В Мейфэре²?

– Да, в Мейфэре, – мрачно подтвердил Колин. – Я считаю, что ты должна брать с собой горничную, когда расхаживаешь по улице. Я не желаю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Пенелопа была тронута его заботой, хоть и понимала, что он проявил бы такое же внимание к любой знакомой женщине. Просто это было в его характере.

² Фешенебельный район Лондона.

– Уверяю тебя, я соблюдаю все правила приличия, когда отправляюсь на более длинные расстояния, – сказала она. – Но право, это так близко. Всего лишь несколько кварталов. Даже моя мама не возражает.

Челюсть Колина напряглась.

– Не говоря уже о том, – добавила Пенелопа, – что мне уже двадцать восемь лет.

– При чем здесь твой возраст? Мне, если хочешь знать, уже тридцать три.

Еще бы ей не знать! Она знала о нем практически все.

– Колин, – сказала она, недовольная жалобными нотками, прозвучавшими в ее голосе.

– Пенелопа, – отозвался он точно таким же тоном.

Она испустила долгий вздох.

– Колин, я старая дева. Мне больше не нужно беспокоиться о соблюдении правил, предписанных семнадцатилетним девушкам.

– Ни за что не поверю...

Пенелопа уперлась рукой в бок.

– Спроси у своей сестры, если не веришь.

Внезапно его лицо приняло серьезное выражение.

– Я не стал бы полагаться на свою сестру в вопросах здравого смысла.

– Колин! – воскликнула Пенелопа. – Что за ужасные вещи ты говоришь.

– Я не сказал, что не люблю ее. Я даже не сказал, что не одобряю ее. Я обожаю Элоизу, как тебе прекрасно известно. Однако...

– Все, что обычно следует за «однако», не сулит ничего хорошего.

– Элоизе, – сказал Колин с несвойственным ему высокомерием, – давно пора выйти замуж.

А вот это, пожалуй, чересчур, особенно произнесенное таким тоном.

– Между прочим, – парировала Пенелопа, вздернув подбородок, – тебе тоже давно пора жениться.

– Ну...

– Тебе уже тридцать три, как ты только что гордо сообщил.

Хотя Колин продолжал делать вид, что все происходящее его немного забавляет, раздражение, мелькнувшее в его глазах, подсказало Пенелопе, что ей пора остановиться.

– Пенелопа...

– Это еще не старость, но вполне солидный возраст, – невозмутимо продолжила она.

Колин выругался себе под нос, удивив Пенелопу, никогда не слышавшую, чтобы он поминал дьявола в присутствии дам. Возможно, ей следовало отнестись к этому как к предостережению, но он задел ее за живое. К тому же она с утра пребывала в легкомысленном настроении, близком к безрассудству.

– Разве твои братья не женились до тридцати? – осведомилась она, приподняв брови.

К ее удивлению, Колин вдруг улыбнулся и скрестил руки на груди, прислонившись к дереву, под которым они стояли.

– Я не во всем похож на братьев.

Это было весьма красноречивое заявление. Многие в свете, включая леди Уистлдаун, считали, что братья Бриджертона поразительно похожи. Некоторые заходили еще дальше, утверждая, что их невозможно различить. Пенелопе и в голову не приходило, что это может вызывать досаду у кого-нибудь из них. Собственно, она была уверена, что им льстит это сходство, поскольку они прекрасно ладили друг с другом. Но возможно, она ошибалась.

А может, просто не задумывалась об этом.

Что было странно, учитывая, что она провела половину жизни, размышляя о Колине Бриджертоне.

Впрочем, если Колин и обладал темпераментом, он никогда не демонстрировал его при ней. Так что у нее есть все основания гордиться собой. Похоже, ее маленькая колкость насчет того, что его братья женились до тридцати, вывела Колина из равновесия.

Его обычным оружием была ленивая усмешка и тонко рассчитанная шутка. Если бы Колин вышел из себя...

Пенелопа покачала головой, не в состоянии представить себе Колина в ярости. Он никогда не выходил из себя. Во всяком случае, при ней. Он бы по-настоящему – нет, до глубины души – расстроился, случись с ним такое. Да и чтобы привести человека в ярость, нужен кто-то, к кому он испытывает настоящие, глубокие чувства.

Конечно, Колин неплохо относится к ней – может, даже лучше, чем большинство людей, но вряд ли его чувства можно назвать глубокими.

– Пожалуй, нам следует признать, что у нас разные мнения по этому вопросу, – сказала она наконец.

– По какому?

– Э-э... – она с трудом вспомнила, – ну, насчет того, что можно и чего нельзя делать старой деве.

Его, казалось, позабавила ее заминка.

– Для этого, видимо, потребуется, чтобы я считался с мнением моей младшей сестры, что, как ты понимаешь, крайне тяжело для меня.

– Но ты готов считаться с моим мнением?

Колин вкрадчиво улыбнулся:

– Да, если ты пообещаешь, что никто об этом не узнает.

Разумеется, он не имел в виду ничего подобного. Но такова была его натура. Шутка и улыбка проторят дорожку к любому сердцу. И, как всегда, это сработало. Пенелопа услышала собственный вздох и обнаружила, что улыбается.

– Ладно! А теперь пошли к твоей матушке.

Колин усмехнулся:

– Как по-твоему, там будет печенье?

Пенелопа закатила глаза.

– А как же иначе?

– Отлично, – сказал Колин, сорвавшись с места и увлекая ее за собой. – Я обожаю свою семью, но еще больше люблю вкусно поесть.

Глава 4

Трудно вообразить, что можно что-нибудь добавить к новостям с бала у Бриджертонов, помимо решимости леди Данбери выяснить имя автора этих строк, но следующие эпизоды также заслуживают внимания:

Мистер Джеффри Олбансдейл был замечен танцующим с мисс Фелисити Федерингтон.

Мисс Фелисити Федерингтон была также замечена танцующей с мистером Лукасом Хотчкиссом.

Мистер Лукас Хотчкисс был также замечен танцующим с мисс Гиацинтой Бриджертон.

Мисс Гиацинта Бриджертон была также замечена танцующей с виконтом Барвиком.

Виконт Барвик был также замечен танцующим с мисс Джейн Хотчкисс.

Мисс Джейн Хотчкисс была также замечена танцующей с мистером Колином Бриджертоном.

Мистер Колин Бриджертон был также замечен танцующим с мисс Пенелопой Федерингтон.

И чтобы замкнуть этот интригующий хоровод, добавим, что мисс Пенелопа Федерингтон была замечена беседующей с мистером Джеффри Олбансдейлом (было бы идеально, если бы она танцевала с ним, но ничто в этом мире не совершенно).

*«Светские новости от леди Уистлдаун»,
12 апреля 1824 года*

Когда Пенелопа и Колин вошли в гостиную, Элоиза и Гиацинта уже пили чай вместе с обеими леди Бриджертон. Вайолет, вдовствующая виконтесса, сидела перед чайным подносом, а Кейт, ее невестка, нынешняя виконтесса, пыталась, правда, без особого успеха, уследить за своей двухлетней дочерью Шарлоттой.

– Посмотрите, с кем я столкнулся на Беркли-сквер, – сказал Колин.

– Пенелопа, – тепло улыбнулась леди Бриджертон, – садись. Чай крепкий и горячий, а кухарка испекла свое знаменитое сливочное печенье.

Колин набросился на еду, помедлив только затем, чтобы поздороваться с сестрами.

Пенелопа села, повинувшись жесту леди Бриджертон, указавшей на ближайшее кресло.

– Ешь, – сказала Гиацинта, толкая ей блюдо с печеньем.

– Гиацинта, – заметила леди Бриджертон с легким неодобрением, – ты не могла бы вести себя более вежливо?

Гиацинта удивленно взглянула на мать.

– А что такого я сказала? – Она на секунду задумалась, склонив голову набок. – По-моему, все правильно.

– Гиацинта. – Леди Бриджертон попыталась проявить строгость, но без особого успеха.

– И главное, коротко, – вставил Колин, стряхивая крошки с ухмыляющегося рта.

– Да уж, короче некуда, – хмыкнула Кейт, протягивая руку к печенью. – Ужасно вкусно, – сказала она Пенелопе с покаянной улыбкой на лице. – Это уже четвертое.

– Я тебя обожаю, Колин, – сказала Гиацинта, устремив на брата проникновенный взгляд.

– Кто бы сомневался, – пробормотал он.

– Лично я, – сообщила Элоиза, – придаю большое значение стилю, особенно когда пишу.

Гиацинта фыркнула.

– И что же ты пишешь? – поинтересовалась она.

– Я веду обширную переписку, – отозвалась Элоиза с высокомерным видом. – И дневник. Отличная привычка, уверяю тебя.

– И очень полезная, – вставила Пенелопа, взяв чашку с блюдцем из рук леди Бриджертон.

– Ты тоже ведешь дневник? – спросила Кейт, вскочив с кресла, чтобы схватить свою двухлетнюю дочь, пытавшуюся забраться на стол.

– К сожалению, нет, – ответила Пенелопа, покачав головой. – Я недостаточно дисциплинирована для этого.

– Не думаю, что нужно усложнять фразы без особой нужды, – настаивала Гиацинта, совершенно неспособная уступить в споре.

К несчастью для собравшихся, Элоиза была не менее упряма.

– В общем-то это не обязательно, – сказала она, поджав губы, – но если ты хочешь, чтобы тебя понимали...

Пенелопе показалось, что леди Бриджертон потихоньку застонала.

– ...фраза должна содержать что-нибудь более конкретное, – закончила Элоиза, – чем междометия.

Гиацинта повернулась к Пенелопе.

– По-моему, это последнее предложение не блещет стилем.

Пенелопа потянулась за очередным печеньем.

– Я отказываюсь принимать участие в этом споре.

– Трусиха, – пробормотал Колин.

– Нет, просто проголодалась. – Пенелопа повернулась к Кейт: – Действительно очень вкусно.

Кейт согласно кивнула.

– До меня дошли слухи, – сказала она, – что твоя сестра собирается обручиться.

Пенелопа удивилась. Она не ожидала, что симпатия Фелисити к мистеру Олбансдейлу стала известна такому широкому кругу людей.

– Э-э... откуда ты знаешь?

– От Элоизы, конечно, – деловито сообщила Кейт. – Она всегда все знает.

– А чего не знаю я, – добавила Элоиза с легкой усмешкой, – обычно знает Гиацинта. Это очень удобно.

– Вы уверены, что ни одна из вас не является леди Уистлдаун? – пошутил Колин.

– Колин! – воскликнула леди Бриджертон. – Как ты мог подумать такое?

Он пожал плечами.

– Они обе достаточно умны, чтобы водить всех за нос.

Элоиза и Гиацинта просияли.

Даже леди Бриджертон не смогла отмахнуться от такого комплимента.

– Что ж, пожалуй, – снисзошла она. – Но Гиацинта слишком молода, а Элоиза... – она посмотрела на дочь с явным сомнением, – не леди Уистлдаун, это однозначно.

Элоиза взглянула на Колина:

– Конечно, нет.

– Тем хуже для тебя, – отозвался он. – Ты была бы уже богата к нынешнему моменту.

– Кстати, – задумчиво произнесла Пенелопа, – это неплохой способ выяснить ее личность.

Пять пар глаз обратились на нее.

– По идее это кто-то, у кого больше денег, чем должно быть, – объяснила Пенелопа.

– В этом есть смысл, – заметила Гиацинта, – правда, я не представляю, сколько денег должно быть у людей.

– Я тоже, – сказала Пенелопа. – Но суть не в том. Все относительно. – В ответ на недоуменный взгляд Гиацинты она добавила: – Например, если я вдруг куплю себе бриллиантовое ожерелье, это будет выглядеть очень подозрительно.

Кейт подтолкнула Пенелопу локтем.

– А ты, случайно, не покупала себе бриллиантовое ожерелье недавно? Мне бы не помешала тысяча фунтов.

Пенелопа на секунду закатила глаза, прежде чем ответить. Кейт, виконтесса Бриджертон, определенно не нуждалась в тысяче фунтов.

– Уверю тебя, – сказала она, – у меня нет ни одного бриллианта. Даже кольца.

Кейт изобразила разочарование.

– В таком случае это не ты.

– Дело не столько в деньгах, – заявила Гиацинта, – сколько в славе.

Леди Бриджертон поперхнулась чаем.

– Извини, Гиацинта, что ты сейчас сказала?

– Только представьте, какие дифирамбы будут петь тому, кто поймает леди Уистлдаун, – мечтательно произнесла Гиацинта. – Ах, это было бы восхитительно.

– Ты хочешь сказать, – поинтересовался Колин с притворным простодушием, – что тебя не интересуют деньги?

– Я этого не говорила, – возразила Гиацинта с нахальной ухмылкой.

Пенелопе вдруг пришло в голову, что из всех Бриджертонов Гиацинта и Колин обладают наибольшим сходством. Пожалуй, хорошо, что Колин так часто уезжает из страны. Если бы эта парочка объединила усилия, весь мир лежал бы у их ног.

– Гиацинта, – твердо сказала леди Бриджертон, – я не допущу, чтобы ты направила все свои усилия на поиски леди Уистлдаун.

– Но...

– Я не говорю, что ты не можешь размышлять на эту тему и задавать вопросы, – поспешила добавить леди Бриджертон, выставив перед собой руку, чтобы предотвратить дальнейшие протесты. – Слава богу, за сорок лет материнства я поняла, что лучше не пытаться остановить кого-нибудь из вас, если кому-то что-то взбредет в голову, какой бы чушью это ни было.

Пенелопа поднесла к губам чашку, чтобы скрыть улыбку.

– Просто иногда ты бываешь, – леди Бриджертон деликатно кашлянула, – слишком целеустремленной...

– Мама!

Леди Бриджертон невозмутимо продолжила:

– ...и я не хочу, чтобы ты забывала о своей главной цели – выйти замуж.

Гиацинта снова воскликнула «Мама!», но на сей раз это был скорее стон, чем протест.

Пенелопа бросила взгляд на Элоизу, которая сидела, уставившись в потолок и изо всех сил сдерживая улыбку. Она достаточно настрадалась от неутомимых усилий матери устроить ее судьбу и теперь нисколько не возражала, что та махнула на нее рукой и переключилась на Гиацинту.

По правде говоря, Пенелопу удивило, что леди Бриджертон смирилась с незамужним статусом Элоизы. Она никогда не скрывала того факта, что главная цель ее жизни увидеть, что все ее восемь детей состоят в счастливом браке. И с четырьмя ей это удалось. Вначале Дафна вышла замуж за Саймона и стала герцогиней Гастингс. Через год Энтони женился на Кейт. После этого была небольшая пауза, но затем в течение одного года сочетались браком Бенедикт и Франческа: Бенедикт с Софией, а Франческа с шотландским графом Килмартинем.

К несчастью, через два года после свадьбы Франческа овдовела и с тех пор делила свое время между родней своего покойного мужа в Шотландии и собственной семьей в Лондоне. Правда, находясь в городе, она предпочитала жить в Килмартин-Хаусе, а не в Бриджер-

тон-Хаусе или на Брутон-стрит. Пенелопа понимала ее. Будь она вдовой, она тоже наслаждалась бы своей независимостью.

Гиацинта относилась к матримониальным устремлениям своей матери вполне добродушно. Как она сказала Пенелопе, она не собирается оставаться незамужней. Почему бы не позволить леди Бриджертон сделать всю предварительную работу так, чтобы Гиацинта могла потом выбрать себе мужа из отобранных матерью кандидатов.

С тем же добродушием она встала, чмокнула мать в щеку и пообещала, что будет думать только о замужестве. Все это Гиацинта проделала, украдкой поглядывая на брата и сестру с хитрой улыбочкой. Едва вернувшись на свое место, она обратилась ко всем присутствующим:

– Итак, вы считаете, что ее поймают?

– Мы все еще обсуждаем эту особу? – простила леди Бриджертон.

– Вы слышали теорию Элоизы? – поинтересовалась Пенелопа.

– Мою теорию? – изумилась та.

– Кажется, это было на прошлой неделе, – напомнила Пенелопа. – Мы обсуждали леди Уистлдаун, и я предположила, что это не может продолжаться вечно – рано или поздно она совершит ошибку. На что Элоиза ответила, что если она не попалась за десять лет, то, возможно, никогда не попадется. Тогда я сказала, что она всего лишь человек и в конце концов допустит оплошность...

– О, я вспомнила! – перебила ее Элоиза. – Мы были у тебя дома, в твоей комнате. Мне пришла в голову блестящая идея! Я сказала Пенелопе, что готова поспорить, что леди Уистлдаун уже совершала ошибки, просто у нас не хватило ума заметить их.

– Не слишком лестно для нас, – вставил Колин.

– Ну, когда я говорю о нас, то имею в виду все общество, а не только Бриджертонов, – уточнила Элоиза.

– Значит, – задумчиво сказала Гиацинта, – все, что нам требуется, чтобы поймать леди Уистлдаун, – это просмотреть все ее заметки.

В глазах леди Бриджертон мелькнула паника.

– Гиацинта Бриджертон, мне не нравится выражение твоего лица.

Гиацинта улыбнулась и пожала плечами.

– Я могла бы найти применение тысяче фунтов.

– Господи, помоги нам, грешным, – ответствовала ее мать.

– Пенелопа, – вдруг сказал Колин, – ты так и не закончила насчет Фелисити. Правда, что она собирается обручиться?

Пенелопа судорожно проглотила чай, который только что отхлебнула из чашки. Колин умел смотреть на собеседника с таким пристальным вниманием, что казалось, будто во всей вселенной остались лишь они вдвоем. К несчастью для Пенелопы, этот взгляд имел также способность превращать ее в заикающуюся идиотку. Случись это во время разговора, она сумела бы собраться с мыслями, но, застигнутая врасплох – когда она убедила себя, что полностью слилась с обоями, – Пенелопа растерялась.

– Э-э... да, вполне возможно, – сказала она. – Мистер Олбансдейл дал понять, что у него серьезные намерения. Но если он решит сделать предложение, полагаю, ему придется отправиться в восточную Англию, чтобы попросить руки Фелисити у нашего дяди.

– Вашего дяди? – переспросила Кейт.

– Да, у нашего дяди Джеффри. Он живет недалеко от Нориджа. Он наш ближайший родственник-мужчина, хотя, по правде сказать, мы не часто видимся. Но мистер Олбансдейл привержен традициям. Думаю, ему будет неловко просить руки Фелисити у моей матери.

– Надеюсь, он сделает предложение и самой Фелисити, – заметила Элоиза. – Как это глупо, что мужчина просит согласия у мужчин – отца или дяди женщины, – прежде чем обратиться к ней самой.

– Что ж, подобные взгляды, – сказал Колин, пряча улыбку за чашкой чаю, – объясняют, почему ты до сих пор не замужем.

Леди Бриджертон одарила сына суровым взглядом и произнесла его имя неодобрительным тоном.

– О, ради бога, мама, – сказала Элоиза. – Пусть говорит. Меня вполне устраивает участь старой девы. – Она взглянула на Колина с превосходством. – Я предпочитаю оставаться старой девой, чем быть замужем за занудой. Как, – добавила она с широким жестом, – и Пенелопа.

Пенелопа ощутила легкое смущение, сознавая, что она не настолько тверда в своих убеждениях, как ее подруга. В отличие от Элоизы она не отвергла шесть предложений руки и сердца. Собственно, она не отвергла ни одного, поскольку ни одного не получила.

Пенелопа уверяла себя, что это не важно. Все равно она не может принять ничье предложение, поскольку ее сердце принадлежит Колину. Но так ли это на самом деле или она просто пытается утешить себя за полный провал на ярмарке невест?

Если бы ей сделали предложение завтра – кто-нибудь порядочный и достойный, кого она никогда не полюбит, но будет испытывать к нему привязанность и симпатию, – сказала бы она «да»?

Возможно.

Эта мысль настроила Пенелопу на грустный лад. Подобное признание означало, что она окончательно распростилась с надеждой завоевать Колина. Выходит, она не настолько предана своим принципам, как полагала, и готова смириться со сколько-нибудь приемлемым мужем, чтобы иметь собственный дом и семью.

В этом не было ничего такого, чего бы не делали сотни девушек каждый год, но почему-то она была уверена, что никогда так не поступит.

– Что-то ты вдруг посерьезнела, – заметил Колин.

Пенелопа вздрогнула, очнувшись от раздумий.

– Я? О нет,нисколько. Просто задумалась.

Колин коротко кивнул, принимая ее объяснение, и потянулся за очередным печеньем.

– А нет ли чего-нибудь более существенного? – поинтересовался он, сморщив нос.

– Если бы я знала, что ты придешь, – сухо отозвалась его мать, – я бы распорядилась подать больше закусок.

Колин поднялся и подошел к сонетке.

– Это не поздно исправить. – Он дернул за шнур колокольчика. – Вы слышали о предположении Пенелопы относительно личности леди Уистлдаун?

– Нет, – ответила леди Бриджертон.

– Очень неглупо, между прочим, – заметил Колин, прервавшись, чтобы попросить горничную принести сандвичи. – Она думает, что это леди Данбери.

– О-о, – протянула Гиацинта явно под впечатлением. – Ужасно умно с твоей стороны, Пенелопа.

Пенелопа склонила голову в знак признательности.

– Такие фокусы как раз в духе леди Данбери, – добавила Гиацинта.

– Заметки в газете или пари? – поинтересовалась Кейт, удерживая Шарлотту за пояс платья, чтобы малышка не забралась куда не следует.

– И то и другое, – сказала Гиацинта.

– Между прочим, – вставила Элоиза, – Пенелопа так ей и сказала. Прямо в лицо.

Гиацинта разинула рот, и Пенелопа поняла, что ее репутация только что сильно выросла в глазах младшей из сестер Бриджертон.

– Хотела бы я это видеть! – воскликнула леди Бриджертон с гордой улыбкой. – Честно говоря, я удивлена, что это не появилось в сегодняшней газете.

– Вряд ли леди Уистлдаун станет комментировать чьи-либо догадки по поводу ее личности, – сказала Пенелопа.

– А почему бы и нет? – возразила Гиацинта. – Это был бы отличный способ направить любопытствующих по ложному следу. Я бы скорее подумала, что это Элоиза. – Она вытянула руку, указывая на сестру драматическим жестом.

– Какая чушь! – возмутилась леди Бриджертон.

– Клянусь, это не я, – усмехнулась Элоиза.

– Но что, если бы я так думала? – настаивала Гиацинта. – И заявила об этом во всеуслышание?

– Чего ты никогда не сделаешь, – отрезала ее мать.

– Конечно, – согласилась Гиацинта. – Но чисто теоретически давайте предположим, будто я сказала, что леди Уистлдаун – это Элоиза. Кем она, конечно, не является, – поспешно добавила она, не дожидаясь вмешательства матери.

Леди Бриджертон вскинула руки, безмолвно признавая поражение.

– Разве можно придумать лучший способ заморочить всем головы, – продолжила Гиацинта, – чем высмеять меня в очередной заметке?

– Ну, если бы леди Уистлдаун действительно была Элоизой... – задумчиво произнесла Пенелопа.

– Это не она! – взвилась леди Бриджертон.

Пенелопа не могла не рассмеяться.

– Но если бы это была она...

– Знаете, – сказала Элоиза, – я уже начинаю сожалеть, что это не так.

– Это была бы замечательная шутка над всеми нами, – продолжила Пенелопа. – Правда, в среду тебе не удалось бы посмеяться над теорией Гиацинты, потому что тогда мы бы все поняли, что это действительно ты.

– Если только это не ты, – хмыкнула Кейт, глядя на Пенелопу. – Вот это был бы дьявольский ход.

– Посмотрим, правильно ли я поняла, – подхватила Элоиза, смеясь. – Итак, если предположить, что Пенелопа – это леди Уистлдаун, то в «Светских новостях» запросто может появиться заметка, где высмеивается теория Гиацинты, будто леди Уистлдаун – это я, потому что, с точки зрения Гиацинты, это была бы исключительно хитрая выдумка.

– Я уже ничего не соображаю, – произнес Колин, ни к кому не обращаясь.

– А что, если леди Уистлдаун – это Колин? – предположила Гиацинта с коварным блеском в глазах.

– Все! Хватит! – воскликнула леди Бриджертон. – Умоляю вас.

К этому моменту все уже так хохотали, что были не в силах продолжить.

– Варианты бесконечны, – выдавила Гиацинта сквозь слезы.

– А может, нам всем следует посмотреть влево, – предложил Колин, вернувшись в свое кресло. – Кто знает, может, это и есть наша таинственная леди Уистлдаун.

Все посмотрели влево, кроме Элоизы, которая смотрела вправо... на Колина.

– Ты пытался мне что-то сказать, – поинтересовалась она с иронической улыбкой, – когда уселся справа от меня?

– Отнюдь, – отозвался он, не глядя на нее, и потянулся к тарелке с печеньем, забыв, что она пустая.

Если кто-нибудь, помимо Пенелопы, и заметил его уклончивость, им не удалось подвергнуть Колина допросу, так как в этот момент прибыли сэндвичи, после чего он оказался совершенно недоступен для разговора.

Глава 5

Как стало известно, леди Блэквуд растянула лодыжку, преследуя мальчишку-разносчика сего скромного издания.

Тысяча фунтов, конечно, неплохие деньги, но леди Блэквуд едва ли нуждается в средствах, более того, ситуация становится абсурдной. Наверняка у лондонцев есть более интересные занятия, чем погоня за беззащитными детьми в бесплодных попытках установить личность автора этих строк.

Хотя как сказать.

За десять лет, которые автор посвятил летописанию высшего света, он не заметил никаких признаков того, что его представителям есть чем занять свое время.

*«Светские новости от леди Уистлдаун»,
14 апреля 1824 года*

Спустя два дня Пенелопа обнаружила, что она снова пересекает Беркли-сквер, направляясь на Брутон-стрит, чтобы повидать Элоизу. На этот раз, однако, светило яркое солнце и она не встретила Колина.

Может, оно и к лучшему.

Они с Элоизой еще на прошлой неделе договорились пойти за покупками, но решили встретиться на Брутон-стрит, чтобы отправиться вместе и не брать с собой горничных. Погода выдалась прекрасная, скорее июньская, чем апрельская, и Пенелопе не терпелось пройтись по Оксфорд-стрит.

Но когда она прибыла к Элоизе домой, ее встретил озадаченный дворецкий.

– Мисс Федерингтон, – сказал он, разводя руками, – насколько мне известно, мисс Элоиза отсутствует.

Губы Пенелопы удивленно приоткрылись.

– Куда она могла пойти? Мы еще на прошлой неделе договорились встретиться.

Уикем покачал головой:

– Не знаю. Но она отбыла со своей матерью и мисс Гиацинтой два часа назад.

– Понятно. – Пенелопа задумалась, пытаясь решить, что делать. – В таком случае можно мне подождать? Может, она просто задерживается. Не похоже на Элоизу, чтобы она забыла о встрече.

Дворецкий любезно кивнул и проводил ее наверх в семейную гостиную, пообещав принести закуски и последний номер «Светских новостей», чтобы она коротала время за чтением.

Разумеется, Пенелопа уже прочитала его. Газету доставляли рано утром, и она взяла за правило просматривать ее за завтраком. Не зная, чем заняться, она подошла к окну. Ничего нового: все те же здания, которые она видела сотни раз, даже люди, шагавшие по улицам, казались теми же самыми.

Размышляя над однообразием собственной жизни, она заметила новый предмет, появившийся в комнате: журнал, лежавший раскрытым на столе. Даже на расстоянии было видно, что страницы заполнены не печатным текстом, а строчками, написанными от руки.

Пенелопа придвинулась ближе и заглянула в журнал, не притрагиваясь к страницам. Судя по всему, это был дневник. В середине правой страницы выделялся заголовок, отделенный от остального текста пустыми строками:

*22 февраля 1824 года
Тродос, Кипр*

Рука Пенелопы взметнулась к губам. Записки Колина! Ведь он только что вернулся с Кипра. Она и подумать не могла, что он ведет дневник.

Пенелопа подняла ногу, чтобы отступить назад, но ее тело отказалось повиноваться. Этого нельзя читать, сказала она себе. Это личный дневник Колина. Она просто обязана отойти.

– Назад, – пробормотала она, взглянув на свою непокорную ногу. – Назад.

Нога не двинулась с места.

Так ли уж страшно, если она заглянет в дневник Колина, не переворачивая страниц? Вряд ли это можно считать вторжением в его личную жизнь. В конце концов, Колин сам оставил его открытым.

Правда, он имел все основания полагать, что никто не наткнется на его дневник, если он отлучится ненадолго. Наверняка он знал, что его сестер и матери нет дома. А гостей обычно провожают в парадную гостиную на первом этаже. Насколько Пенелопа знала, они с Фелисити были единственными, кого проводили прямо в семейную гостиную. А поскольку Колин не ожидал ее появления (или, что более вероятно, вообще не вспоминал о ней), вряд ли он думал, что подвергает свой дневник опасности, оставив его без присмотра на несколько минут.

И он оставил дневник открытым.

Будь там какие-нибудь секреты, наверняка он проявил бы большую осмотрительность, покидая комнату.

Пенелопа вытянула шею, пытаясь заглянуть в дневник.

Вот досада! Так она ничего не разглядит, кроме заголовка, да и то только потому, что он окружен пустыми строчками. Зато остальное написано так убористо, что практически ничего не видно.

Странно, но Пенелопа не чувствовала бы себя такой виноватой, если бы не этот последний шаг, остававшийся до заветной цели. И не важно, что ей пришлось пересечь полкомнаты, чтобы оказаться там, где она сейчас находилась.

Интересная мысль! Пенелопа задумчиво постучала пальцем по подбородку. Она уже пересекла комнату, а значит, достаточно согрешила на сегодняшний день. Один крохотный шагок – ничто по сравнению с остальным расстоянием.

Она немного продвинулась вперед, решив, что это сойдет за полшага, затем еще чуть-чуть и опустила взгляд, начав читать прямо с середины предложения.

«...в Англии. Песок здесь ослепительно-белый и настолько мелкий, что скользит между пальцами босых ног, словно шелк. Вода немыслимо голубая: то аквамариновая с золотистыми бликами солнца, то кобальтовая, когда небо затянуто облаками. И удивительно теплая – как в ванне, подогретой полчаса назад. Волны с тихим шелестом набегают на берег, лаская ступни и взбаламучивая песок, пока не нахлынет следующая волна и не унесет его вместе с пеной.

Нетрудно понять, почему этот берег считается местом рождения Афродиты. Я не мог избавиться от ощущения, что вот-вот увижу ее, поднимающуюся со дна морского на гигантской раковине, как изобразил ее Боттичелли, с длинными волнистыми волосами, струящимися по плечам.

Если на свете рождалась совершенная женщина, то, несомненно, здесь. Я чувствую себя как в раю. И все же...

И все же каждое дуновение теплого ветерка и безоблачное небо напоминают мне, что это не мой дом, что я был рожден, чтобы жить в других краях. Это не умаляет желаний – нет, потребности! – путешествовать, видеть, узнавать. Но это же питает неизбывную тоску по росистой лужайке, влажной прохладе тумана и радости от первого погожего денька после недельного ненастья.

Здесьнему народу неведома эта радость. Их дни всегда совершенны. Можно ли оценить совершенство, если наблюдаешь его постоянно?

22 февраля 1824 года Горы Тродос, Кипр

Удивительно, но я замерз. Сейчас февраль, и, как англичанин, я привык к февральским холодам (как, впрочем, и в другие месяцы с буквой «р» в названии), но сейчас я не в Англии. Я на Кипре, в самом сердце Средиземноморья, и всего лишь два дня назад побывал в Пафосе, на юго-западной оконечности острова, где жарко светит солнце, а океан дышит теплом. Оттуда открывается вид на гору Олимп, покрытую белоснежной шапкой, ослепительно сверкающей в лучах солнца.

Подъем на вершину оказался чреват бесчисленными опасностями, поджидавшими за каждым поворотом. По пути наверх мы встретили...»

Пенелопа издала тихий вздох разочарования, поняв, что страница закончилась на середине предложения. Кого они встретили? Что случилось? И о каких опасностях он пишет?

Она устала сидеть на дневник, умирая от желания перевернуть страницу и прочесть дальше. Но, начиная читать, она оправдывала себя тем, что не вторгается в личную жизнь Колина. В конце концов, она заглянула только в те страницы, которые он оставил открытыми.

Перевернуть страницу значило бы зайти гораздо дальше.

Пенелопа отдернула руку, потянувшуюся к дневнику. Нет, нельзя. Она не вправе читать его записи. Во всяком случае, помимо того, что уже прочитала.

С другой стороны, эти строки заслуживают того, чтобы их прочитали. Просто преступление, что Колин держит их при себе, и никто не может разделить его впечатления. Они должны быть...

– О господи, – пробормотала Пенелопа себе под нос и ухватила за край страницы.

– Что ты делаешь?

Пенелопа круто обернулась.

– Колин!

– А кого ты ожидала? – резко бросил он.

Пенелопа отпрянула. Она никогда не слышала, чтобы он разговаривал таким тоном. Она даже не думала, что он способен на это.

Колин пересек комнату, схватил дневник и захлопнул его.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил он.

– Жду Элоизу, – выдавила она, ощутив внезапную сухость во рту.

– В семейной гостиной?

– Уикем всегда проводит меня сюда. Ваша матушка велела ему относиться ко мне как к члену семьи. Я... э-э... он... – Пенелопа сообразила, что заламывает руки, и постаралась овладеть собой. – Это касается и моей сестры, Фелисити. Они с Гиацинтой близкие подруги. Я думала, ты в курсе. Мне очень жаль.

Колин небрежно швырнул переплетенный в кожу дневник в стоявшее поблизости кресло и скрестил руки на груди.

– И часто ты читаешь чужую корреспонденцию?

– Конечно, нет. Просто дневник лежал открытым, и... – Пенелопа нервно сглотнула, осознав, сколь ужасно звучит подобное оправдание, как только оно слетело с ее губ. – Это общая комната, – промямлила она, не придумав ничего лучше в свою защиту. – Тебе следовало взять его с собой.

– Туда, где я был, – огрызнулся Колин, все еще продолжая злиться, – не ходят с записными книжками.

Щеки Пенелопы загорелись.

– Я лучше пойду, – сказала она. – Передай, пожалуйста, Элоизе...

– Нет, это я пойду, – рявкнул Колин. – В любом случае я собирался сегодня переезжать. Почему бы мне не сделать это сейчас, раз уж ты обосновалась здесь как дома.

Пенелопа никогда не думала, что слова могут причинять физическую боль, но сейчас она готова была поклясться, что в ее сердце вонзился нож. До сего момента она не понимала, как много для нее значит, что леди Бриджертон открыла для нее свой дом.

И как больно сознавать, что Колину неприятно ее присутствие здесь.

– Почему ты должен все усложнять? Я же извинилась! – взорвалась она, следуя за ним по пятам, когда он пересек комнату, чтобы забрать свои вещи.

– А почему, скажи на милость, я должен все облегчать? – парировал Колин, даже не обернувшись и не замедлив шага.

– Хотя бы потому, что этого требуют элементарные приличия.

Это явно задело его за живое. Он резко обернулся, сверкнув глазами так яростно, что Пенелопа растерянно попятилась. Колин всегда был таким милым, таким добродушным. И никогда не выходил из себя.

До сего момента.

– Элементарные приличия? – загремел он. – Это о них ты думала, когда читала мой дневник? По-твоему, это прилично – читать чужие бумаги?

– Колин, я...

– Лучше помолчи, – бросил он.

– Колин! Ты...

Он принялся собирать свои вещи, повернувшись к ней спиной.

– Твоему поведению нет никаких оправданий.

– Конечно, но...

– Ой! – завопил он вдруг явно от боли.

Пенелопа побледнела и, вымолвив испуганным шепотом его имя, кинулась к Колину.

– Что с тобой? О боже!

Из раны на его ладони струилась кровь.

Не теряя времени на разговоры, Пенелопа крикнула:

– Осторожно, ковер! – Она схватила со стола лист бумаги и подсунула его под руку Колина, чтобы кровь не капала на бесценный ковер.

– Какая трогательная забота, – вымолвил Колин нетвердым голосом.

– Ну, ты же не собираешься умирать, – резонно заметила Пенелопа, – а ковер...

– Все в порядке, – заверил он ее. – Я пытался пошутить.

Пенелопа взглянула ему в лицо. Вокруг его губ пролегли резкие складки.

– Пожалуй, тебе лучше сесть, – сказала она.

Колин мрачно кивнул и сел в кресло.

Пенелопа не выносила вида крови.

– Пожалуй, я тоже сяду, – пробормотала она, опустившись на низенький столик напротив него.

– С тобой все нормально? – спросил он.

Она кивнула, поборов легкую дурноту.

– Нужно чем-нибудь перевязать рану, – сказала она, поморщившись при взгляде на бумагу, в которую была завернута рука Колина.

– У меня в кармане платок, – сказал он.

Пенелопа полезла в его нагрудный карман за платком, ощущая тепло его груди и биение его сердца у нее под пальцами, пока вытаскивала белоснежный клочок ткани.

– Больно? – спросила она, перевязывая его ладонь. – Нет, можешь не отвечать. Конечно, больно.

Он ободряюще улыбнулся:

– Не очень. Не волнуйся.

– Думаю, можно будет обойтись без шва, – сказала Пенелопа.

– Ты разбираешься в ранах?

Она покачала головой:

– Нет. Просто не такая уж она ужасная. Не считая, конечно, крови.

– Зато ощущения ужасные, – пошутил Колин.

– Мне очень жаль, – сказала Пенелопа, туго замотав рану, чтобы остановить кровотечение. – Это я во всем виновата.

– В том, что я располосовал себе ладонь?

– Если бы ты не разозлился на меня...

Колин покачал головой и ненадолго прикрыл глаза.

– Не говори чепухи. Если бы я не разозлился на тебя, то мог бы разозлиться на кого-нибудь другого.

– Но при этом у тебя под рукой не оказался бы нож для вскрытия почты, – закончила Пенелопа, глядя на него из-под полуопущенных ресниц.

Колин улыбнулся. В его глазах мелькнула ирония с легкой примесью восхищения. И что-то еще, чего она никак не ожидала увидеть: неуверенность, даже беззащитность. Он не имеет понятия, вдруг осознала Пенелопа, насколько хорошо пишет. И потому смутился, когда обнаружил, что она прочитала его записки.

– Колин, – сказала она, подавшись к нему. – Ты должен знать...

Она осеклась, услышав звуки шагов в коридоре.

– Должно быть, это Уикем, – сказала она, бросив взгляд на дверь. – Он, видимо, принес закуски. Ты можешь придержать руку?

Колин кивнул.

– Я не хочу, чтобы он знал, что я поранился. Он расскажет маме, и она замучит меня своими заботами.

– Ладно. – Пенелопа встала и протянула ему его дневник. – Возьми это и сделай вид, что читаешь.

Едва Колин успел открыть дневник, спрятав под ним раненую руку, как дверь отворилась и появился дворецкий с большим подносом в руках.

– Уикем! – воскликнула Пенелопа, вскочив на ноги и повернувшись к нему с таким видом, словно не догадывалась о его приближении. – Вы, как всегда, принесли намного больше, чем я способна съесть. К счастью, мистер Бриджертон может составить мне компанию. Уверена, с его помощью я смогу отдать должное вашему угощению.

Уикем кивнул и снял крышки с блюд, представив их взору холодные закуски: нарезанное мясо, сыр, фрукты – и большой графин с лимонадом.

Пенелопа иронически улыбнулась.

– Надеюсь, вы не думали, что я в состоянии все это съесть.

– Скоро подойдут леди Бриджертон с дочерьми. Я осмелился предположить, что они тоже проголодались.

– Вряд ли им что-нибудь достанется после того, как я удовлетворю свой аппетит, – радостно сообщил Колин.

Уикем слегка наклонился в его сторону:

– Прикажете наполнить вашу тарелку?

– Нет, нет. – Колин сделал отрицательный жест здоровой рукой. – Я займусь этим сам... э-э... как только дочитаю главу.

– Дайте мне знать, если вам понадобится что-нибудь еще, – сказал дворецкий и удалился.

– Проклятие, – простонал Колин, как только шаги Уикема затихли в коридоре. – Я хотел сказать – больно.

Пенелопа взяла салфетку с подноса.

– Давай заменим твой платок. – Она размотала его руку, стараясь смотреть на ткань, а не на рану, хотя по какой-то причине вид крови уже не так беспокоил ее. – Боюсь, твой платок безнадежно испорчен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.